Человек теней

Автор:
Джефф Нун

Человек теней

Джефф Нун

Расследования Джона Найквиста #1Чак Паланик и его бойцовский клуб

Под неоновым небом Дневного района, где никогда не гаснет свет, а ночь не имеет никаких прав, частный детектив Джон Найквист берется за дело о пропавшем подростке. Из ослепительного Дневного он перемещается в Ночной район, где царит тьма.

Вскоре Найквист начинает подозревать, что его задание странным образом связано с убийствами, ввергшими горожан в пучину ужаса, – с убийствами, совершаемыми невидимкой без лица. В конце концов остается лишь одно место для поиска – Сумерки, таинственное, овеянное легендами пограничье…

Джефф Нун

Человек теней

Jeff Noon

A Man of Shadows

© Text Jeff Noon, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Пролог. Ртуть

В переулке Фаренгейт был рыночный день. По узким проходам между прилавками двигались сотни людей, толкая друг друга в стремлении приобрести различные товары – серебряные столовые приборы, зеркала, сверкающие драгоценности, блестки, хрустальные кувшины, фонари любого размера и форм, декоративные осколки цветного стекла, горелки, бусы, безделушки и всевозможные сияющие металлические побрякушки. Содержимое прилавков поблескивало в свете мощных ламп, висевших под низким потолком. Температура воздуха постоянно повышалась, и в помещении царила духота. Покупатели неистово толкались. Плоть против плоти. Кто-то упал в обморок, и его унесли – ничего необычного. Пара уличных музыкантов исполняла новую уличную балладу «Пламя любви», словно пытаясь добавить блеска к и без того яркому дню. Торговцы вовсю старались перекричать друг друга, расхваливая свой ассортимент: зонтики, солнцезащитные очки, льняные куртки и широкополые шляпы, дезодоранты, духи. Вокруг прилавков часовщиков раздавался постоянный оглушающий шум тиканья, звона и жужжания. В недавнем докладе говорилось, что в городе сейчас работает более двадцати миллионов часов, причем их ежедневно изготавливают, ремонтируют и продают. Люди были одержимы временем. Члены Союза историков города раздавали брошюры, в которых подробно излагалась хронология последних событий. Среди покупателей прошел молодой человек, одетый как Аполлон, Бог Солнца, и при виде его по толпе прокатился громкий крик. Все это происходило в Дневном районе. Другого подобного места не существовало, и граждане гордились тем, что являются частью этого жаркого, залитого светом рая.

Одной из них была Дженни Джеймс. Друзья называли ее Джей Джей. Ей было двадцать шесть лет, она работала репортером «Сигнального огня» – главной газеты города. Замужняя, но пока бездетная, она усердно занималась своей карьерой.

Дженни понятия не имела, что среди шума и суматохи, света и жары истекают последние несколько минут ее жизни.

Рядом с ней был ее муж, Леон. Они выбирали подарок на день рождения ее племянницы и остановились у прилавка с калейдоскопами. Взяв занятную вещицу в руки, Джей Джей подняла ее к глазам. Посмотрев для начала на демонстрационные лампы на самом прилавке, она перевела калейдоскоп на ярко освещенные неоновые вывески и прожекторы, висевшие на потолке. Когда она стала вращать прибор, сломанные бусинки и фрагменты цветного стекла внутри трубки начали переливаться в новые узоры. Поистине гипнотический эффект! Она почувствовала легкую слабость от внезапного опьяняющего взрыва желтого, красного и оранжевого цветов. Дженни навела устройство на новый объект – маленького мальчика, который держал в руках фонарик на батарейках в форме звезды. Он явно гордился своей игрушкой. Фонарик излучал серебристый и голубой призматический свет, сквозь линзу калейдоскопа кажущийся вращающимся колесом из ножей.

Джей Джей ощутила нечто странное. В ее боку вспыхнула острая боль, но не успела она понять, что произошло, как то же случилось со спиной.

На нее напали?

Она не могла понять, что с ней происходит.

Калейдоскоп упал на землю. Она попыталась закричать, но звук застрял в горле. Даже вздохнуть было трудно. Живот обжигало болью, и, положив на него руку, она увидела, что пальцы измазаны кровью. Она смотрела на кровь, ярко блестевшую в свете рыночных ламп. Джей Джей инстинктивно уклонилась, избегая нападения. Но ничего не получилось.

Она рухнула на землю.

Ничего не понимая, ее муж на несколько секунд застыл в недоумении. Затем, наклонившись к жене, увидел кровь и порезы на ее теле и едва мог поверить своим глазам. Ее всю трясло, а одежда покрылась темно-красными пятнами. Она кричала, прося о помощи, и протягивала к нему руки. Он сжал ее пальцы, чувствуя, что держится за самое близкое и дорогое, что у него есть. И вдруг Джей Джей дернулась в последний раз и больше не шевелилась.

Леон понял, его жена умерла. Ощутил это всем своим существом.

Звуки рынка исчезли, ничего больше не существовало. Весь его мир разлетелся вдребезги в этом крошечном месте, где неподвижно лежала любовь его жизни. Он нежно коснулся ее лица, словно надеясь, что это пробудит ее от сна. Но было все так же тихо. И вдруг на соседнем прилавке раздался звон каретных часов, за которым последовали звуки остальных механизмов, и этот шум разорвал пелену тишины, воцарившуюся на рынке.

Стоявшие рядом люди, ахнув, отошли на шаг или два. Тревожно вскрикнула пожилая женщина. Перепуганный маленький мальчик с фонариком обхватил за ноги отца.

По толпе шепотом покатилось слово:

Ртуть. Ртуть.

И затем громче, от человека к человеку, передаваясь с ужасом.

Ртуть. Ртуть. Ртуть…

Вскрытие выявило пять колотых ран на теле жертвы. Однако среди сотен опрошенных полиции не удалось найти никого, кто заметил бы хоть что-то необычное. Леон Джеймс смог сказать лишь, что сначала его жена Дженнифер была жива и здорова и радостно смеялась рядом с ним, а уже в следующую секунду лежала на земле, истекая кровью. Никто не видел, как на нее напали. Никто не видел того, кто это сделал. Оружия тоже не нашли: лишь нанесенные раны говорили о том, что оно действительно было. Здесь, в этом городе, залитом ослепительным светом, где не было места теням и темноте, убийца нанес удар посреди оживленной толпы и мгновенно исчез. Это казалось невозможным, но такое уже случалось. Ртуть, Ртуть! Страшное слово разносилось по улицам, и новости быстро распространялись среди горожан. Еще одна жертва, еще одно убийство.

Городские часы продолжали идти как ни в чем не бывало.

Часть 1. Дневной район

Станция Утро

Найквист сошел с поезда. Его попутчики либо откровенно разглядывали его, либо старались избегать, торопясь по платформе, оставив его там одного – человека в измятом синем костюме и шляпе набекрень. Он вдохнул дым, струящийся от парового двигателя. На небе ярко светило солнце, и этот свет казался еще интенсивнее за счет стеклянных панелей крыши вокзала. Неподалеку группа рабочих мыла вагоны водой из шлангов, создавая эффект радуги, когда на воду падал свет лучей. Это марево словно искрилось и плясало. Подойдя к турникету, Найквист почувствовал, что ему жарко. Давненько уже он не выходил на дневной свет! Сказать точнее было трудно, как и подсчитать дни и ночи из-за его образа жизни, характера работы и режима этого города. Было легко запутаться.

Из ближайшего динамика прозвучал мягкий механический голос:

– По прибытии в Дневной район, пожалуйста, убедитесь, что приняты все необходимые меры предосторожности. Искренне надеемся, что вы…

Найквист слышал это уже много раз. Он шел вперед, остановившись только затем, чтобы посмотреть на большие часы на центральном куполе главного зала. Было тридцать пять минут девятого. Его наручные часы показывали восемь двадцать две – отставали на тринадцать минут. По телу пробежала легкая дрожь, прежде чем Найквист принялся настраивать часы. Но выполнив это простое действие, он почувствовал себя лучше. Все. Порядок.

Многие люди вокруг делали то же самое, переводя свои часы на время вокзала: это походило на ритуал – тысячи пальцев, вращающих тысячи заводных головок на тысячах циферблатов одновременно.

В мужском туалете Найквист привел себя в порядок. Глядя в зеркало, он прижал пальцами ярко-фиолетовый синяк на лице, оттянув кожу к разрезу. Хотел было заклеить его лейкопластырем, но передумал. Эта отметина была единственным, что он мог показать, – единственным вознаграждением, что он получил. Он вернулся в зал и купил в ларьке кофе «три в одном», бо?льшую часть которого

выпил еще до того, как добрался до автостоянки за вокзалом. Ему потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить, где он оставил свой автомобиль. Под стеклоочистителем торчала квитанция на просроченную стоянку. Он сорвал ее и бросил на заднее сиденье вместе с пиджаком и шляпой. Машина раскалилась будто печь, и даже прохладный воздух из включенного кондиционера не приносил никакого облегчения. Увы, старая модель нуждалась в ремонте, а еще лучше в замене. Найквист почувствовал боль в ребрах, принявших на себя удары.

И становилось все хуже – что днем, что ночью.

Спертый воздух в салоне понемногу развеивался. Найквист взглянул на приборную панель: циферблат показывал шестнадцать минут второго. Он застонал, недоумевая, почему сбилось время. Снова посмотрев на наручные часы, он изменил время на приборной панели. Без семи минут девять. Так-то лучше. Все синхронно. Пора начинать день. У него была еще одна работа, связанная с поисками пропавшего подростка. Оставалось надеяться, что все в конце концов уладится. Члены ее семьи сказали ему, что девушка в последнее время ужасно боялась темноты. Ну да, их было много, этих больных, и Дневной район служил для них подходящим местом.

Найквист выехал с вокзальной стоянки.

Комната 347

Яркий и живой свет солнца резал глаза так, что на него было больно смотреть. Найквист медленно вел машину по грунтовой дороге. По радио одна за другой звучали новейшие дневные мелодии – все основные аккорды и яркие сладкие напевы и лирические мотивы о том, как в нашей любви однажды засияет свет Аполлона в один прекрасный день, в один чудесный день без сновидений.

Впереди возник старый отель.

По правде говоря, по пути ему следовало бы заглянуть в свой офис, но сама мысль об этом одиноком месте казалась невыносимой: унылые сообщения, неоплаченные счета и дряхлый потолочный вентилятор с дыркой от пули в одной из лопастей. Подзаработать деньжат было важнее. Поэтому он провел

последние пару часов, делая звонки, налаживая контакты и проверяя все известные укрытия в надежде, что это поможет отыскать девушку. Он отводил глаза от всех часов, которые встречались на улицах, пытаясь следовать своему личному графику. Но все усилия были напрасны, пока он не увидел компанию молодых людей, околачивающихся возле входа в магазин, где продавались лампы. Один из них, Рикардо, сказал, что где-то видел девушку с фотографии, но добавил, что не уверен: «Может, да, а может, и нет». Глаза мальчишки прятались за фиолетовыми линзами плавательных очков, а белые зубы четко выделялись на фоне смуглой кожи. Деньги переходили из рук в руки в обмен на информацию. И вот Найквист двинулся дальше, на север – туда, где находился Выжиг, Одиннадцатый участок. Это был трущобный квартал, расположенный на дальней окраине города, один из самых горячих и ярких в Дневном районе, и страх перед темнотой часто заставлял людей укрываться здесь.

Припарковав машину, Найквист вышел и посмотрел на обшарпанный отель. Прежняя вывеска была закрыта большим белым плакатом с новым названием этого места. На нем красной краской было написано одно слово: «РАЗВЛЕЧЕНИЯ». Найквист поправил солнцезащитные очки и надел шляпу. По обе стороны отеля сплетались лабиринты проходов и дворов – торговые точки, автосалоны, мастерские, ломбарды. Все они обанкротились, помещения были давно заброшены и захвачены более бедными, более стойкими и менее боязливыми жителями. Многие разбивали между низкими зданиями палатки. К яркому свету низкого неба поднимались клубы дыма, указывающие на местонахождение новых племен солнца. Улицу покрывала пыль, и целое ее облако уже собралось над его машиной. Сделав всего несколько шагов, Найквист ощутил боль в легких. В его глазах искрились и плыли цвета, а все тело покалывало, будто от крошечных электрических разрядов. Он вспотел – было жарко и неуютно. Рубашка прилипла к телу, словно второй слой кожи.

На ступеньках бывшего отеля сидела группа детей, занятых игрой, которая заключалась в том, что каждый пытался дольше всех абсолютно ничего не делать. Он бросил им монету. Дети посмотрели на то место, куда она упала. На выгоревшей земле маняще искрилась латунь. Детские рты широко распахнулись, глаза замерцали в тени козырьков кепок. Но ни один не сдвинулся с места.

Найквист протолкнулся через вращающуюся дверь. Будучи человеком крупного телосложения, он также имел определенную особенность черт лица, некую необработанность, создававшую впечатление, что он не совсем закончен, и это

немного пугало. Он через многое прошел, это точно, и вы могли бы подумать, что этот человек более чем способен совладать с собой. Пока не подойдете близко, совсем близко – лишь тогда, может быть, заметите в его глазах нечто иное: неопределенность или одиночество. Но чтобы разглядеть, для начала нужно приблизиться. А это непросто.

В старом отеле было лишь немногим прохладнее, чем на улице. Несколько лет назад он уже заходил сюда по другому делу. Тогда эта главная комната служила баром-салоном полуприличного заведения, где за полированными столами восседали всякие управленцы средних лет. Теперь всего этого не было: мебель выбросили, бар в центре превратился в стойку для еды и напитков, все пространство заняли сотни игровых автоматов. В помещение мерцали всевозможные цвета, и каждый яркий оттенок, казалось, обволакивал тело Найквиста, пока тот двигался по главному проходу. Галерея была заполнена игроками. В воздухе стоял запах алкоголя, и чувствовалась высокая влажность. Звуки, доносившиеся из автоматов, походили на те, что бывают при погружении в холодную воду множества горячих предметов. Из точки в точку со свистом пролетали серебряные шарики. Доносились обрывки песен. От всего этого плыло в глазах: жара, шум, музыка, автоматы и дети, дергающие рычаги, и яркий свет, пульсирующий между ними. На экранах с сумасшедшей скоростью сменялись изображения космических кораблей, призраков, гоночных автомобилей и тигров.

На дальней стене висел большой механический календарь – еще одно напоминание о былой славе отеля. На экране был указан 1959 год. Это озадачило Найквиста – сам он считал, что на дворе еще 1958-й. Он взглянул на часы над календарем: те показывали ровно половину шестого. Его передернуло от раздражения. Внезапно он потерял контроль над собой. Сопротивление бесполезно: пальцы сами собой приблизились к наручным часам и принялись поворачивать головку, пока время не совпало со временем игорного зала.

Немного успокоившись, он двинулся дальше, по пути изучая клиентов. Игроки были либо местными, старшими детьми из семей, переехавших сюда, либо просто юношами и девушками среднего класса, желавшими весело провести пару часов в опасной зоне. Некоторые имели вид давних фанатиков дневного света: обесцвеченные волосы, шелушащаяся кожа, подернутые пеленой глаза. Двигались только их руки: трепыхаясь, как пойманные в ловушку птицы, они нажимали кнопки или лихорадочно тянули рычаги «одноруких бандитов». Найквист свернул в другой проход, настороженно глядя по сторонам. Квартал Выжиг был известен своим беззаботным отношением к незаконной

деятельности, и он не сомневался, что это место получало свою долю чистогана. Тем не менее порядок поддерживали всего два охранника – хорошо сложенные молодчики, ненамного старше самих игроков. В свои тридцать с небольшим Найквист был едва ли не самым старым в этом помещении.

Рикардо сказал ему, как называется это место, добавив, что ему следует искать молодого человека по имени Майлз – с жирными волосами, высокого и худого, со следами ожога на лице. За пинбольным автоматом в одиночестве стоял как раз такой парень. Найквист подошел к нему, попытался привлечь внимание, но игрок не отводил взгляда от автомата, его пальцы непрерывно нажимали на кнопки, гоняя туда-сюда серебряные шарики. Автомат громко звенел и дребезжал.

Найквист взглянул в сторону охранников, а затем по очереди отодвинул руки Майлза от кнопок. Парень легко позволил ему это сделать – сыщик словно поменял позу манекена. Похоже, в его теле не осталось ни одной мышцы. Игра закончилась. Майлз несколько раз моргнул. Его пальцы нервно дрожали. Найквист сказал ему, зачем он здесь, и вложил несколько купюр во влажную ладонь. При виде денег глаза игрока блеснули – теперь он мог сыграть еще пару раз. Он склонился к Найквисту и прошептал ему на ухо простое трехзначное число.

– Уверен? – спросил Найквист, показывая фотографию девушки.

Майлз улыбнулся и, пожав плечами, вернулся к своему любимому автомату. Его лицо вновь засияло от азарта.

Этого было достаточно. Теперь он знал номер комнаты. Найквист направился к лифтам в задней части галереи. В этот момент его заметил один из охранников, так что он прошел мимо дверей лифта туда, где было наибольшее скопление игроков в пинбол. Склонившись над автоматом, он вытащил вилку из розетки и пошел дальше. Ребятишки начали материться на все заведение. Один из игроков раз за разом лупил кулаком по стеклянной поверхности автомата, а остальные подбадривали его. Они попытались продолжить игру, но завязалась драка. Найквист оглянулся и увидел, что к месту потасовки спешат охранники. Поднявшись по лестнице на третий этаж, он оказался в длинном пустынном коридоре. Он устал и запыхался. Стены были покрыты склизкой зеленой плесенью. Из электрощита, закрепленного на стене, торчали потрепанные зубчатые зажимы и провода – оттуда во все стороны летели искры. Далее по

коридору из вентиляционного отверстия вниз по стене стекали потоки белой жидкости. Найквист достал льняной платок, чтобы вытереть лоб.

По спине пробежали мурашки. Ему не нравилась атмосфера этого заброшенного отеля. Проходя мимо открытых дверей, он видел, что большинство комнат пустуют. Казалось, будто он разглядывает разбитые театральные декорации, где когда-то разыгрывались отчаянные сцены бесцельной жизни. Ничего из того времени не осталось, кроме мебели и некоторых пустяковин, покрытых густым слоем пыли. Номера на почти развалившихся дверях с вырванными замками были практически незаметны. Комната 347 находилась в дальней части коридора – одна из немногих с закрытой, все еще неповрежденной дверью. На коврике перед ней стоял поднос с недоеденной пищей. Изнутри доносились голоса – они что-то монотонно напевали. Остановившись, Найквист попробовал открыть дверь. Заперто. Он постучал кулаком по створке.

– Впустите меня.

Тишина. Он постучал снова, уже сильнее.

– Открывайте, ну же.

Послышалось шарканье ног и звук разбитого стекла. Найквист задумался. У него не было возможности узнать, сколько людей в комнате и насколько дружественны их намерения. Последнее время появилось много религиозных сект, особенно на окраинах города, и люди рассказывали, что детей удерживают там против их воли. Сняв солнцезащитные очки и отступив на шаг, он ударил в дверь ногой. И еще раз. Дверь начала поддаваться, а после третьего удара с треском распахнулась, и он быстро вошел в комнату. Найквист как будто шагнул в огонь. Перед его взором вспыхнул ослепительный блеск золота и серебра, с красными брызгами. В глазах зарябило, и они непроизвольно закрылись, а в голове все еще пульсировали огненные формы. Снова услышав звук разбитого стекла, он заставил себя открыть глаза и увидел расплывчатую группу белых фигур, стоящих посреди этого света. Мимо него кто-то шустро проскочил – подросток, и среди пульсирующих световых узоров едва угадывалось, что это человек, а не какое-то иное существо. Найквист ничего не смог сделать, чтобы его остановить. Вместо этого он посмотрел по сторонам, пытаясь разобраться в царящей в комнате суматохе.

Что ж, в глазах по-прежнему бликовало, но зрение уже приходило в норму.

К потолку плотно прилегали фиолетовые флуоресцентные трубки, и между каждой парой трубок светились лампочки. Их были сотни, возможно, тысячи, и все они сияли разными оттенками, так что свет мерцал и изгибался под причудливыми углами, создавая завораживающий эффект. Пол покрывали яркие прикроватные светильники с разбитыми стеклами. Многие из них попа?дали. Когда Найквист сделал шаг вперед, под ногами хрустнуло стекло, и лампочки стали вспыхивать при каждом его движения. В центре потолка вращался шар из зеркального стекла, который перемешивал освещенные фрагменты, создавая еще бо?льшую путаницу. Цвета сливались и распадались. В случайных последовательностях вспыхивали и гасли лучики крошечных лампочек, на прикрепленных к стенам газовых горелках танцевало пламя.

Глаза Найквиста привыкли к безумной обстановке номера. Он выпрямился, блокируя дверной проем, и более тщательно осмотрел комнату. Единственное окно было давно заколочено, поэтому такая духота; в воздухе стоял запах мочи, немытого тела и плавленой проводки. Было шумно. В одном углу на полу лежал потрепанный матрас. На нем на коленях стояла девочка-подросток, а еще одна девушка и юноша стояли рядом, наблюдая за Найквистом. Эти двое выглядели напуганными, но девушка на матрасе, казалось, пребывала в каком-то оцепенении или витала в облаках. Ее глаза были закрыты, спиной она прижалась к стене. Таких людей называли световыми наркоманами, они жаждали впитать все фотоны, которые только возможно найти, и получить передозировку светом. Найквист переводил взгляд с одного лица на другое. Рот юноши был окрашен в оранжевый цвет, губы растянуты в клоунской улыбке. Его глаза смотрели в никуда, он нервно вздрагивал. Найквист протянул руку, чтобы вытереть вещество вокруг рта, что бы это ни было. Какой-то новый наркотик, предположил он. Последний порошок острых ощущений.

– Я ищу Элеанор Бэйл.

Никто ему не ответил, но парочка синхронно перевела взгляд на третью девушку, отдыхающую на матрасе. Найквист кивнул.

– А теперь валите отсюда.

Они послушно последовали его приказу, оставив ошеломленную девушку на произвол судьбы. Найквист достал фотографию, которую ему дали. Это было все, чем он располагал для ее поисков, не считая той небольшой доли информации, которую предоставил ее отец.

Элеанор Бэйл. Восемнадцать лет. Из состоятельной семьи и, без сомнения, красивая, имеющая очень ухоженный вид, – то, что состоятельные люди требуют от своих сыновей и дочерей. Светлые волосы, голубые глаза, изящные губы. Все это было на фотографии. Но сейчас, по правде говоря, от этой красоты мало что осталось. Девушка лежала на кровати, одетая в майку, шорты и сандалии. Она выглядела жуткой неряхой: с грязной кожей, ужасающе худая, с сальными и растрепанными волосами, ее руки были покрыты царапинами, а лицо бледное и почти бесцветное, как крыло мотылька.

– Элеанор?

Девушка отвернулась, прижавшись к стене.

– Вставайте, ну же. Давайте соберем ваши вещи. – Найквист поднял сумку с пола. – Это ваше?

– Оставьте меня в покое!

Она яростно повернулась, ее поза выражала ненависть и страх. На коже, изможденном лице и истощенных руках играли блики света. Она выглядела ужасно. Найквист подошел ближе.

– Элеанор, давайте поговорим.

Без предупреждения девушка схватила с матраса лампочку и сильно размахнулась. Найквист услышал, как она врезалась в стену позади него. Когда звук бьющегося стекла стих, он широко развел руки в стороны и шагнул вперед.

– Ваша семья о вас беспокоится. Они наняли меня, чтобы вернуть вас домой.

– Кто вы? Полицейский?

Найквист покачал головой.

– Частный детектив.

– Это он вас послал?

– Ваш отец? Да, он.

Девушка горько рассмеялась.

– Я не пойду домой.

Найквист надел солнцезащитные очки.

– Я знаю, почему вы здесь, – сказал он. – Я знаю, каково это. Вы боитесь темноты. И того, что может тьма. Все это мне известно.

– Я не боюсь темноты. Это ложь.

– Все мы чего-то да боимся.

Элеанор впервые посмотрела прямо на него.

– Это лучшее, что он мог сделать? – спросила она.

Найквист пожал плечами.

– Видимо, да.

– Что у вас с лицом?

– Меня избили.

– Да ну. Из… из-за меня?

Он усмехнулся.

– Нет. Другая работа. Это было неприятно.

Девушка отрицательно покачала головой.

– В этом не было ничего утонченного, поверьте мне. Потерянная партия импорта. Я должен был отследить ее, что и сделал достаточно успешно, но, похоже, все это было мошенничеством, хитроумной страховой сделкой. Я узнал слишком много, и это то, что я получил за свою работу. – Он коснулся синяка под глазом. – Плюс некоторые повреждения, которые не следует показывать.

Казалось, она поняла его слова. По-видимому, в ее голове еще сохранились остатки разума. Но внезапно она развернулась, выругалась и плюнула в него.

Найквист вздохнул.

– Я знаю, почему вы здесь.

– Да ну, неужто?

– Конечно. Все из-за ярости. Вы пытаетесь сжечь боль.

Девушка рассмеялась.

– Что же, это не работает.

Найквист заметил, что задел ее за живое. Он сделал еще один шаг к ней.

– Вы понимаете, что вам могут оказать помощь? Правильную помощь. Врачи, профессионалы…

– Нет! – Элеанор схватила вторую лампочку и ударила ею об стену, поднеся осколок к самому лицу. – Держитесь от меня подальше.

Теперь Найквист окончательно успокоился. И улыбнулся.

– Эта последняя работа принесла мне проблемы. Никакого результата, никакой платы. Так что мне действительно нужны деньги, девушка. Времена тяжелые.

Элеанор покачала головой. Затем она повернула руку с осколком лампочки к груди, повторяя одни и те же фразы снова и снова:

– Я не пойду домой. Я не пойду домой. Он меня ненавидит. Мой отец ненавидит меня!

Она придвинула зубчатый осколок ближе, прижала его к своей майке сильнее, пока на ткани не появилось пятно крови. Непроницаемое выражение лица. Она хотела почувствовать боль и не ощущала ее.

– Не делайте этого, Элеанор.

Найквист пытался говорить ровным голосом. Девушка посмотрела на него. Кровь медленно стекала по ее руке, по телу пробежала дрожь. В один ужасный момент Найквист подумал, что он потерял ее, но ее глаза вдруг замерцали от другого света, пальцы медленно раскрылись, и осколок лампочки упал на матрас. Найквист встал на колени рядом с ней. Он хотел поднять ее на ноги, и девушка позволила дотронуться до себя; у нее не осталось сил для борьбы. Он не ожидал, что она пойдет на контакт, и это было странно. Девушка все время бормотала какие-то слова, которые он не мог расслышать, она как будто молилась каким-то богам. И вдруг замолчала: слышались лишь ее всхлипывания и судорожные вздохи. Найквист оставался там, где был, наполовину согнувшись и держа ее за руку. Это было неудобно, но он ничего не мог поделать. И они, эти два одиноких человека, некоторое время оставались вместе в таком положении, пока медленно вращающиеся огни комнаты отбрасывали на них мириады бликов.

Солнечный удар

Найквист вывел Элеанор из комнаты. При нормальном освещении коридора она выглядела еще хуже: мертвенно-бледное лицо, измазанное кровью, длинные спутанные волосы спадали на лоб, закрывая глаза. Она крепко сжимала в руках свою единственную собственность – зеленую спортивную сумку из шотландки. Найквист снова задумался, как эта хорошо воспитанная девушка оказалась в

таком состоянии, но он, конечно, не мог понять боль, которую она испытывала.

– Нам нужно идти, – сказал он. – Мы вам поможем.

Прямо возле двери их ждал человек – плотный мужчина средних лет, одетый в строгий льняной костюм кремового цвета. Он смотрел на Найквиста и девушку, одновременно вытирая лицо красным шелковым носовым платком.

– Что вы делаете?

– Я забираю ее домой, – ответил Найквист.

– Она должна мне.

– За что?

– За аренду комнаты.

– Я так не думаю.

– Это я сдаю тут жилье.

Он выглядел смущенным, явно нервничал. Прикрыв на секунду глаза, он снова широко их распахнул.

– Видите мою дверь? – спросил он. – Хотите заплатить вместо девушки?

– Ребенок в беде.

Мужчина улыбнулся.

– Поэтому они и приходят ко мне.

– Ей нужна помощь.

– Ну да, у них есть свои потребности.

Найквист увидел, что по коридору к ним приближается один из охранников.

– Какие-то проблемы? – спросил новоприбывший.

– Никаких проблем, – ответил хозяин. – Пока что. – Он посмотрел на Найквиста, потом на девушку. – Дайте мне поговорить с ней. Я знаю, как обращаться с молодежью.

Найквист почувствовал, что Элеанор выскальзывает из его рук. Она прижалась к стене и, открыв рот, слегка сползла вниз, взгляд судорожно метался по сторонам. Руки сжались в кулаки, одна рука крепко вцепилась в ремешок сумки. Наконец девушка сфокусировала пристальный взгляд на хозяине, а с губ слетело одно дерзкое слово:

– Нет.

Оттолкнув Найквиста в сторону, хозяин попытался схватить Элеанор за руку. Легкое прикосновение заставило девушку вздрогнуть, она отскочила и закричала с такой силой, что Найквист инстинктивно потянулся, тоже пытаясь ее удержать. Его пальцы на миг сжались вокруг ее запястья, но она вырвалась, в панике прижавшись к стене, а затем пулей полетела по коридору. Хозяин выглядел разъяренным. Выругавшись, он жестом приказал охраннику напасть на Найквиста. Но парень был слишком юн, а Найквист помнил свою неудачу прошлой ночи – он легко отразил удар предплечьем, отбросив руку охранника в сторону, а правой нанес тяжелый резкий удар в живот. Охранник как раз двигался навстречу удару, и он оказался для парня слишком сильным. Согнувшись пополам и задыхаясь, он оперся о стену. Хозяин начал извергать проклятия, но Найквист уже двинулся прочь в поисках Элеанор.

Коридор был пуст.

Он бросился бежать. Поворот привел во второй коридор, заканчивающийся металлической противопожарной дверью. Не останавливаясь, Найквист обеими руками навалился на створку, и дверь открылась. Он шагнул вперед, и резкий небесный свет ослепил его.

Он стоял на платформе пожарной лестницы.

Под ним раскинулся трущобный квартал Выжиг, еле различимый в туманной дымке. Здания практически исчезли, и их место захватили палатки и караваны, загромоздившие территорию города. За этим растянувшимся лагерем открывался вид на земли за пределами Дневного района: свалки, кустарники, голые пастбища, деревни, луга, поселки и другие города, где люди жили по единому времени, а день сменялся ночью, а ночь днем…

Найквист уцепился за перила. У него закружилась голова. Земля поплыла перед глазами, и он почувствовал, что может упасть.

Сосредоточившись, он смотрел в одну точку, пока головокружение не прошло. Сквозь решетку внизу он увидел Элеанор, которая уже почти спустилась. Тоненькая фигурка перепрыгивала ступеньку за ступенькой с такой отчаянной энергией, что под ее ногами дрожала вся хрупкая лестница. Какого черта она убегала? Найквист ринулся по лестнице так быстро, как только мог, но его внушительный вес и ужасная влажность замедляли движение. Он с шумом ставил ногу на каждую ступеньку, а пот заливал ему глаза. Если он не поторопится, девушка легко скроется из виду.

Наконец Найквист спустился на землю. Задний двор отеля был завален мусором, но проволочный забор вокруг него выглядел неповрежденным, единственные ворота оказались закрыты на замок. Он двинулся вдоль забора, ища место, где проволока была разрезана и выгнута. Отыскав лаз, он протиснулся на другую сторону. Перед глазами открылся ряд одноэтажных зданий, ближайшие два разделял узкий проход. Найквист поспешил туда и вышел в большой двор, из которого открывалось еще три выхода. Здесь, под низко висящим куполом из фонарей собралась компания жителей Выжига. Отовсюду в глаза бил ослепляющий свет. Звучала музыка, походившая на вой какого-то животного. Найквист подошел к кольцу из бочек, вокруг которых собралось большинство людей. В воздухе стоял запах горящей смолы, и из каждой металлической емкости вздымались языки пламени, трепещущие на ветру. Сквозь пламя люди выглядели как призраки на свету, а от музыки словно исходил такой же жар, как от огня.

Но Элеанор Бэйл здесь не было.

Найквист спросил у стоявшего ближе всех мужчины:

– Здесь только что никто не проходил? Девушка-подросток?

Мужчина посмотрел на него, как на пришельца с другой планеты. Найквист обратился ко всей толпе.

– Где она? Куда она пошла?

Никто ему не ответил. Найквист потряс головой, пытаясь прогнать лишние мысли. Он взглянул на три выхода. Звуки музыки сводили с ума, и он оглянулся, чтобы посмотреть, откуда она доносится.

По другую сторону пламени на деревянном ящике, пошатываясь, стоял старик. Найквист подошел к нему. Музыкант был одет в куртку явно не по размеру и шляпу, кривовато сидевшую на голове. К подбородку он прижимал изогнутый корпус скрипки. Вдоль шеи быстро двигался смычок, а пальцами правой руки мужчина иногда пощипывал струны, выдергивая отдельные ноты. Сочетание этих движений создавало дикую, энергичную музыку. Перед ящиком стояла миска, в которой поблескивали две-три монеты, словно ожидая, что к ним присоединится еще несколько. Рядом в такт мелодии танцевала маленькая девочка. Музыка очаровала и Найквиста. Мелодия постоянно крутилась у него в голове – неужели он где-то слышал ее? Если бы только скрипач прекратил импровизацию и не добавлял свои ноты в оригинал, сыщик бы ее точно узнал. И вдруг, прекратив играть, старый музыкант посмотрел вниз, и Найквист заглянул в его черные как смоль глаза. Он был слепым, его невидящий, темный взгляд уперся в детектива, и тот не мог не бросить пару монет в оловянную миску.

В этот момент к ним подошел маленький мальчик. У него в руках была зеленая спортивная сумка, которую он держал перед собой, гордо, словно трофей – сумка Элеанор.

– Вот, это она обронила.

Найквист с благодарностью принял ее.

Он двинулся по улицам, возвращаясь к входу в отель – туда, где стояла его машина. Виски пульсировали от воздействия яркого света, глаза заливал пот. Он чувствовал слабость. По дороге проносились облака пыли. В голове звучал шепот, словно пыль говорила с ним: все, что не движется, мы накроем тебя, мы тебя похороним. Отплевываясь от пыли, попавшей ему в рот, Найквист поднял глаза на небо, которое висело всего в нескольких метрах над головой и состояло из тысяч тесно расположенных ламп. Свет повсюду был ровный и безмятежный. Он не отражался в определенном направлении и не отбрасывал тени. Автомобиль был раскален. Он забрался внутрь, положил сумку девушки на сиденье рядом и немного подождал, пока заработает вентилятор. Найквист потерял шляпу, но не мог вспомнить, когда и где. По привычке он взглянул на часы, хотя это было бессмысленно, и вдруг заметил пятна крови на ладони. Они заставили его вспомнить об осколке лампочки и о том, как девушка-подросток колола себя им. Эти неприятные образы прочно застряли у него в голове.

И они не покидали его во время всего пути ко Второму участку.

Путеводитель: город света

Когда путешественник прибывает в Дневной район, над улицами он видит постоянную дымку, вызванную миллиардами источников света, которые город использует в своем непрерывном стремлении к блеску. Настоящее небо, вид которого даже самые старые жители района не могут вспомнить, скрыто за огромной запутанной сетью неоновых вывесок, флуоресцентных изображений, огненно-красных ламп, огней горелок, полированных стальных стоек и декоративной мозаики из стекла. Каскады света этого купола и его сияющие хаотические лучи разнообразных форм и оттенков мечутся между блестящими стенами административных и муниципальных зданий. Немного ниже, на любой доступной поверхности закреплены дополнительные источники освещения, добавляющие городу свою лепту блеска. На проводах, растянутых вдоль дорог, раскачиваются китайские фонарики, машины и пешеходы купаются в свете движущихся за ними прожекторов. На улицах глаза слепят лампочки красного, белого, желтого и оранжевого цветов; блики света танцуют на каждом магазине, скамейке, доске объявлений и киоске. С дорожных знаков свисают хрустальные люстры. Некоторые из этих огней официально установлены советом Дневного района, но множество других вывешивают сами жители. Деревья вдоль аллей оплетены гирляндами из светящихся шариков, а на тротуарах и асфальте блеском падающих звезд искрятся дорожные катафоты [1 - Устройство, предназначенное для отражения луча света в сторону источника с

минимальным рассеиванием.]. В воздухе витают крупные частицы золота и серебра, прилипающие туда, где приземляются – к проезжающим машинам, стенам и к самим людям. И везде, куда ни глянь – вокруг, сверху и снизу, – крошечные фрагменты зеркального стекла рассеивают свет. Постоянно раздается глухой гул электрических приборов. Вспыхивают и плавятся бесконечные линии проводов. Город трескается от жары. И всякий раз, когда идет дождь, медленно просачиваясь через верхний купол, из поврежденных устройств летят искры. А потом, словно цветные призраки, над улицами проплывают многочисленные радуги. Люди поклоняются таким явлениям, принимая их как доказательство того, что Бог света и тепла взирает на них благосклонно. Ибо тьма была изгнана из Дневного района и отправлена в небытие. Это величайшее достижение! Город пульсирует всеобъемлющим сиянием. Люди говорят о жертвах, которые должно приносить общество и отдельные жители, дабы поддерживать то, что они называют Свечением. Обещанные жертвоприношения оплетают круглые фонарные столбы или тщательно расположены на электрических щитах и подстанциях. На улицах распевают молитвы. Но, несмотря на все эти усилия, та или иная лампочка время от времени откручивается из-за одной из ламп, висящих выше. Она падает с неонового неба и становится просто еще одним штрихом цвета в спектре, который заметен только тогда, когда на тротуаре разлетается фонтан стеклянных осколков. И взгляды людей устремляются вверх, и они с ужасом думают о внезапном наступлении ночи, которая снова падет на них и накроет город темнотой.

Хроностазис[2 - Хроностазис – ощущение застывшего времени. Это случается, когда ваш мозг сталкивается с принципиально новым явлением или задачей и на секунду как бы «столбенеет».]

На обратном пути в центр Найквист остановился в Мерцающем городке – месте, где многие приезжие поначалу ищут жилье и работу. Он увидел нескольких недавно прибывших, которые пытались отбросить свои старые представления о времени и свете. Они выглядели озадаченными и обеспокоенными. Они были совсем не в теме и, похоже, очень мучились, пытаясь разобраться в перекрестных течениях. Потребуются годы для того, чтобы их биологические часы полностью приспособились к новым ритмам. Найквист увидел, как один старик чуть не упал, лихорадочно пытаясь настроить точное время города на наручных часах. Он выглядел как человек, балансирующий на натянутом канате. Тогда как стоявшая возле него молодая пара уже чувствовала себя в этом городе как дома. Это было отчетливо видно, потому что они легко переходили от

одной шкалы времени к другой, настраивая на своих часах соответствующее время. На их лицах расплылись широкие улыбки. О, как замечательно сбежать от строгих рамок общего времени!

Найквист, как и многие коренные жители, часто спрашивал новичков о мире за пределами города, отчаянно нуждаясь в знаниях. И ни в чем больше. Он смирился со своим местом в этом мире и теперь шел по главной улице, едва замечая различия в его жителях. Его сопровождали постоянный гул, треск и шипение электрических цепей и газовых горелок. В дверях магазина стояла хронолог и зазывала покупателей: «Теперь доступны новые шкалы. Не пропустите!» Над улицей сияющим светом переливались огромные рекламные щиты. Самым заметным из них было изображение знаменитой актрисы Аннабеллы Темпо, держащей в руках циферблат, на котором быстро вращались стрелки, управляемые скрытым механизмом. Аннабелла рекламировала «Счастливое изумительно-блестящее время» – один из недавних коммерческих графиков. Ее зубы ярко блестели в свете дуговых ламп.

Найквист вошел в бар, выбрав его исключительно потому, что тот выглядел более пустым, чем остальные. Он заказал сэндвич и пиво. Бармен старательно вытирал стойку полотенцем и поднял глаза на посетителя лишь по окончании работы.

– Который час на ваших часах? – спросил он.

Найквист машинально взглянул на запястье, но все что он увидел, – размытое пятно.

– Я… я не уверен.

– Не уверен? Что это за ответ?

Найквист сосредоточился на циферблате. Он почувствовал слабость, как будто время ускользало от него, но, наконец, с облегчением разглядел цифры.

– Сейчас шесть двадцать пять, – ответил он.

Но названное время ничего для него не значило. Ведь определенно он в какой-то момент подводил стрелки? Почему он не мог вспомнить?

– Утра? – недоверчиво спросил бармен.

– Думаю, да…

– Ну, тогда я не могу продать вам алкоголь.

Найквист устремил взгляд на экран, висящий над баром, на котором поверх изображения двух бокалов пенистого пива красовался лозунг: «Время выпить! Наш спонсор – пивная компания «Троица». Согласно часам под лозунгом, сейчас было двенадцать сорок шесть. Бармен улыбнулся.

– Извини, приятель, для тебя слишком рано.

Найквист огляделся. Несколько человек расположилось за разными столами, а на стуле перед барной стойкой сидел тип, выглядевший как заядлый пьяница. Его губы сжались в жестокой усмешке. Он читал выпуск «Сигнального огня». Найквист повернулся к бармену.

– Просто дайте мне пива.

– Никакой выпивки до двенадцати. Хочешь, чтобы это место закрыли?

Сдерживая гнев, Найквист закатал рукав и изменил время часов на время бара. После этого бармен с грохотом опустил на стойку бокал пива, а привлеченный шумом старый пьяница рассмеялся, и изо рта у него брызнула пена. Его голос резанул по ушам:

– Еще одна жертва, видели?

Найквист покачал головой, не желая вступать в разговор, но мужчина размахивал перед ним газетой.

– Ртуть снова убил. В этот раз на рынке Фаренгейт. Прямо там, в толпе.

Найквист слышал новости по автомобильному радио: в последнем выпуске говорилось о серии убийств, когда на жителей нападали на улице или городской площади или даже в частном доме. Но никто не видел ни убийцу, ни то, как он совершает свои злые деяния. Все видят только результат – мертвую жертву.

– Нанес удар прямо посреди толпы, понимаешь, – повторил старик с пенистой усмешкой. – И потом исчез! Пуф! Просто испарился. Незамеченным. – Он сделал паузу, чтобы глотнуть своего пойла, а затем сложил руки и произнес молитву Спасителю:

– Господь Аполлон, защити нас от всякой тьмы!

Ничего не говоря, Найквист кивнул в знак согласия, но вдруг вмешался бармен, который произнес:

– Да, это правда. Я думаю, что Ртуть движется так быстро, что никто не может увидеть, как он появляется, убивает или исчезает.

Выпивоха скорчил гримасу, злобно оскалив почерневшие зубы – вместо одного, словно отражатель, блеснула алая стекляшка, имитирующая драгоценный камень.

– Нет, он невидимый, как призрак.

В ответ бармен загоготал, что заставило старика вновь и вновь повторять:

– Невидимый, невидимый! – Его будто заклинило. – Невидимка, невидимка, невидимка!

Найквист промолчал, взял пиво и сумку девушки и двинулся к столику. Он прошел мимо молодой женщины, которая как-то странно дергалась. Она, похоже, не могла задержать взгляд на конкретном предмете.

– Вы в порядке, мисс?

Она повернулась к нему лицом. В глазах промелькнуло понимание, но через секунду ее взгляд быстро переместился на плакат, висевший на стене. К ним

подошел бармен и, вытирая стол, сказал:

– Не беспокойтесь о Марии. На ее часах нет цифр. – Он легонько постучал пальцем по голове. – Полночь души. Печально. Но так оно и есть.

Найквист кивнул. Хроностазис. Этот синдром становился все более распространенным явлением. Некоторые жители Дневного района настолько путались во всех этих временах, что уже не могли воспринимать происходящее. Время замедлялось до нуля, и люди оказывались в пространстве, где ничего не происходило.

Найквист снова посмотрел на часы. Циферблат все еще был немного размытым. У него что-то с глазами? Тем не менее он четко различал все другие объекты.

Он задумался: неужели это начало болезни – хроностазиса?

Вздрогнув от этой мысли, Найквист сел за столик и ждал, пока принесут сэндвич. Стол стоял возле окна, о которое снаружи бились полчища мух, разъяренных жарой и светом. Такое же безумие овладевало Найквистом, он испытывал неосознанное желание вырваться на свободу. Чтобы взять себя в руки, он открыл зеленую спортивную сумку и начал перебирать вещи Элеанор Бэйл. Сначала вытащил несколько предметов одежды, под которой нашел кожаный кошелек. Внутри были деньги, довольно много денег, учитывая то, что девушка являлась беглянкой. В кармашке на молнии он обнаружил клочок бумаги с написанным на ней семизначным числом, – вероятно, чей-то номер телефона. Найквист отложил его в сторону и вернулся к сумке, где следом нашел открытку на имя Элеанор, отправленную по адресу резиденции семьи Бэйл в Ночном районе. На ней был изображен пляж на юге Франции, а на обратной стороне находился текст: «Это удивительное путешествие! Но я очень скучаю по тебе. Передай от меня привет Полуденному подземелью!» Открытку подписал кто-то по имени Эбигейл. Возможно, подруга, путешествующая за границей, пока Элеанор оставалась дома.

Найквист продолжил осмотр. Он вытащил белый конверт, внутри которого обнаружил единственную фотографию. Это было изображение мужчины в возрасте двадцати лет или около того. Найквист изучил лицо мужчины. Он выглядел так, словно не доедает, но впалые скулы лишь усиливали выражение его лица, прекрасно очерчивая темные пронзительные глаза. Длинные черные

волосы свисали завитыми прядями. На обратной стороне фотографии было написано два слова: Энджелкрофт Силуэт. Найквист размышлял о том, что это может означать, когда бармен принес его заказ. Возможно, имена? Или одно имя? Имя человека на фотографии?

Откусив от сэндвича, Найквист вернулся к осмотру сумки Элеанор. Он нашел еще несколько личных вещей, но ничего из них не вызывало интереса, пока он не вытащил пару маленьких стеклянных флаконов, каждый из которых был украшен крошечным изображением полумесяца и наполнен ярко-оранжевой жидкостью. Он вспомнил парня в комнате 347 и его измазанные губы. Найквист был знаком как минимум с шестью разными видами стимуляторов и бо?льшую часть из них принимал в молодости. Он положил флакончики на ладонь. Ему и раньше попадались такие предметы, но увы, он мало что знал о содержащихся в них наркотиках.

На дне сумки оставался один предмет, представляющий интерес, – нечто, обернутое желтой пылезащитной тканью.

Найквист осторожно развернул ее и обнаружил фигурку. Это было странно выглядящее существо из тонкой черной кожи. К туловищу прикреплялись длинные тонкие руки и ноги, а лицо было повернуто в профиль – с острым рыльцем и двумя рогами, выступающими из копны волос на куполообразной голове. По всему телу были проделаны ромбообразные отверстия, покрытые кусочками прозрачного пластика золотого, красного или голубого цвета. Фигурка смотрелась примитивной, но выполнена была мастерски. Более того, существо было похоже на кроху-демона.

Найквист положил все обратно в сумку. Вот они, несколько драгоценных вещей Элеанор Бэйл, ее загадочная коллекция. Куда они его приведут?

Крик с другого стола отвлек его. Послышался звон бьющегося стекла.

Это была Мария, женщина, болеющая хроностазисом. Она поднялась на ноги. Вытянув руки перед собой и судорожно сжимая пальцы, она словно пыталась схватить какой-то неуловимый предмет. Рот беззвучно открывался и закрывался, пока, наконец, с ее губ не слетело:

– Который час? Который час?

Найквист вскочил на ноги, чтобы помочь ей, но бармен опередил его. Он схватил женщину за запястья и твердо, но любезно говорил с ней, стараясь успокоить. Но Мария все продолжала задавать свой вопрос:

– Который час? Который час? Который час?

Рассеивающий пыль

Бесконечные лучи света, пересекаясь в воздухе, каскадом сыпались из мерцающих окон финансового района и причудливо переплетались в паутине серебряных нитей, которые простирались над передним двором центра «Ариадна». Все мерцало и искрилось своим особенным оттенком света. Найквист вошел через главный вход. В приемной было множество настенных часов. Найквист никогда не был здесь раньше, предпочитая встречаться со своими клиентами на нейтральной территории – в кафе или барах, и теперь выглядел неуместным, потрепанным, усталым бедняком по сравнению с бойкими хорошо одетыми мужчинами и женщинами, которые проходили мимо него. Все они перемещались в общем ритме корпоративного временно?го графика. Он чувствовал себя как танцор со сломанной ногой – нелепый, ничуть не соответствующий имиджу компании. Секретарша за столом смерила его настороженным взглядом, когда он заявил о цели прибытия.

– Боюсь, мистер Бэйл не сможет сейчас с вами встретиться. Он на совещании.

Найквист нахмурился.

– Когда я могу его увидеть?

– Вы хотите записаться на прием?

– Это срочно.

– По какому делу?

– По личному.

Найквист понимал, что пришелся ей не по нраву. У него было ощущение, что она вполне может нажать скрытую кнопку под столешницей.

– В три пятнадцать вас устроит? – спросила она с улыбкой.

Найквист внимательно посмотрел на наручные часы, его руки при этом задрожали. Часы показывали двадцать две или двадцать пять минут второго. Или ближе к половине? Что-то вроде этого.

– В три пятнадцать? – повторил он.

– Да.

Найквист уставился на боковую стену, где все циферблаты показывали разное время. Под каждым из них была табличка с указанием разных временных шкал: Основное бизнес-время, Международное время связи, Время отдыха руководства, Время финансовых операций и другие. Цифры в глазах расплывались, и он почувствовал головную боль. Второй бокал явно был ошибкой. Он уже не мог вспомнить, сколько часов прошло с тех пор, как он сошел с поезда на станции «Утро».

– Какое сейчас у вас точное время? – спросил он.

Секретарша указала на стену справа от ее стола. Найквист перевел туда взгляд и увидел часы с надписью «Внутреннее время центра «Ариадна», согласно которым в здании было два сорок пять.

– Хотите подождать?

Найквист едва услышал голос секретарши. Его так и подмывало изменить время на своих часах, чтобы соответствовать временной шкале здания. Его руки сжимались и разжимались, пока он пытался совладать с внезапным порывом.

– С вами все в порядке, сэр? Вы плохо выглядите.

– Речь идет о его дочери! Скажите это мистеру Бэйлу. Речь идет о Элеанор.

– Простите, я не…

Чтобы удержаться на ногах, Найквист схватился за край стола. Он ощутил головокружение и уже собирался пробраться к выходу, когда из ближайшего коридора появилась импозантная, элегантно одетая женщина. Она сразу взяла ситуацию в свои руки, поприветствовав Найквиста, как будто он был ее старым другом:

– Вот вы где! Надеюсь, мы не доставили вам неудобств. Мистер Бэйл сейчас вас примет.

Найквист никогда прежде не видел эту женщину.

Они вместе ехали на лифте. Она представилась как Пирс. Без миссис, без мисс, вообще без имени.

– Надеюсь, новости хорошие, – сказала она. – Мистер Бэйл очень обеспокоен всей этой ситуацией.

Найквист молчал.

– Что же, я могу понять вашу сдержанность. Это деликатное дело.

Найквист кивнул. За густым слоем пудры и яркой помадой лицо Пирс не выдавало никаких эмоций. У нее была уверенная осанка и фигура той, кто проводит больше часов в тренажерном зале, чем за рабочим столом, а пиджак и юбку словно специально скроили для подчеркивания таких форм. Ее светлые волосы были зачесаны и уложены в ровную прическу, напоминающую ему шлем воина. Для сравнения Найквист взглянул на свое отражение в зеркальной стене кабины лифта. Вид был, мягко говоря, так себе.

Несколько минут спустя он стоял в офисе сэра Патрика Бэйла и, ссутулившись, рассказывал о том, как позволил Элеанор сбежать.

– Как такое могло произойти? – спросил Бэйл. – Если бы я хотел, чтобы работа была выполнена плохо, я бы попросил полицию найти ее.

Найквист не чувствовал, что должен извиняться.

– По крайней мере…

– Что?

– По крайней мере, мы знаем, что Элеанор жива. По крайней мере, мы видели ее.

– Я плачу вам не за то, чтобы смотреть на нее, Найквист. Где она?

Патрик Бэйл был высоким, привлекательным, несколько искусственно сохранившимся мужчиной в возрасте 40 лет. Его волосы казались слишком темными, а выражение лица слегка потрясенным, что стало результатом растягивания естественных черт путем хирургического вмешательства. Его офис выглядел обыденно, однообразно, не выдавая никаких личных особенностей хозяина, в то время как самого мужчину, похоже, переполнял сдерживаемый гнев или извращенное желание. По выражению его лица трудно было что-то понять.

Найквист достал из кармана кошелек Элеанор.

– Ваша дочь его потеряла.

Бэйл схватил его, достал пачку купюр и сказал:

– Хорошо. Без денег она долго не продержится. Девочка испорчена до предела.

– Вы знали, что она принимает наркотики?

Бэйл выглядел уязвленным этим вопросом.

– Наркотики? Нет. Нет, она не…

– Не принимает?

– Она бы не посмела.

Для Найквиста это прозвучало скорее как угроза, чем как суждение, основанное на наблюдении. Не опустошая перед Бэйлом сумки, он протянул ему фотографию молодого длинноволосого парня.

– Вы знаете этого человека? – спросил он.

Под ровный гул потолочных вентиляторов Бэйл уставился на фотографию. Он немного подумал, прежде чем ответить.

– Нет. А нужно?

– Ваша дочь носит эту фотографию с собой.

– Это поможет нам ее найти?

– Переверните ее.

Перевернув фото, Бэйл посмотрел на два слова, написанных на обратной стороне.

– Вам это ни о чем не говорит?

– Энджелкрофт. Силуэт… Нет. Ничего. – Он положил фотографию на стол. – Мне все равно, Найквист. Я просто хочу вернуть мою дочь.

– Все в ваших руках.

– Вы что-то не договариваете?

Найквист посмотрел на него.

– Забавно. Я мог бы задать тот же вопрос.

Бэйл встал из-за стола.

– Я не позволю насмехаться над собой.

Найквист взял фотографию.

– Мне нужно поговорить с ее матерью.

– В этом нет необходимости.

– Позвольте мне решать.

– Послушайте, вы переходите все границы!

– Иногда нужно это делать, мистер Бэйл. Если вам важен результат.

– Моя жена Кэтрин… Боюсь, она редко покидает Ночной район. – Он улыбнулся. – А сейчас прошу прощения, у меня важные дела.

Найквист не сдвинулся с места, сказав:

– Вы не задаете правильных вопросов.

– Что?

– О Элеанор. Вы не спрашиваете меня, как она себя чувствует.

Прошло несколько мгновений. Бэйл, не мигая, смотрел на Найквиста, на его гладком лице не дрогнул ни один мускул. Когда он, наконец, заговорил, его губы едва двигались.

– Я вполне понимаю, что вы…

– А что я? Проблема не во мне.

Отвернувшись, Патрик Бэйл подошел к окну офиса и посмотрел на город. Найквист последовал за ним. Через тонированное стекло они молча смотрели на огромную сеть ламп всевозможных форм, размеров и цветов, которая

простиралась откуда-то сверху, образуя неоновое небо. Четырьмя пролетами ниже Найквист мог видеть, как среди постоянного блеска нижнего уровня города по улице вяло двигаются машины.

Голос Бэйла был тверд и бесстрастен:

– Этот город не знает покоя. В нем никогда не прекращаются движение и работа. И из-за этого Дневной район постоянно требует больше сияния, больше тепла, больше мощности. Но прежде всего ему нужно больше времени. Различных видов времени. Время для каждого случая, настроения и желания. Люди требуют этого. И мы здесь, в Центре «Ариадна», должны управлять этим временем так, как сочтем нужным. – Фразы прозвучали так, словно говорила хорошо спроектированная машина. – У нас есть двести тридцать пять новых временных шкал на продажу. Заявки на них поступают постоянно. Некоторые шкалы – это обычные варианты, но многие из них довольно поразительны в своей оригинальности.

Он повернулся к Найквисту, его голос становился более настойчивым – машина набирала обороты.

– Я выбрал эту работу. Пока город полностью не остановится, я здесь. – Его глаза загорелись любовным блеском. – Я буду проводить людей через сеть их путаницы, предлагая надежду, добавлять еще несколько часов, минут и секунд к их жизни.

Найквист улыбнулся.

– Хорошая речь. Вы устанавливаете правила, по которым живет город.

– У нас должны быть правила.

– И вы зарабатываете на этом немало денег.

– К чему вы клоните, Найквист?

– Некоторые люди запутались во времени. У них серьезные проблемы.

– Вы говорите о Элеанор?

– Я вижу это все чаще и чаще, у многих людей. Они называют это хроностазис.

– Все мы должны чем-то жертвовать.

Услышав это заявление, Найквист опешил.

– О чем вы говорите?

– Наш город – особенное место, жизненный эксперимент, если хотите. Мы раскалываем время на составные части и восстанавливаем его с нуля. Это требует мужества и умения, а также большого желания. Желания людей, чтобы день мог длиться вечно.

– И неважно, кто страдает от этого?

Бэйл моргнул.

– Мы принимаем все необходимые меры предосторожности. Но вы же знаете о пиратах и контрабандистах с их дешевыми кустарными графиками. В этом и заключается опасность. В чем моя вина, если люди злоупотребляют товарами?

Найквист обвел глазами офис и с легкой улыбкой сказал:

– Люди предсказывают еще одну временную катастрофу.

– Эти так называемые эксперты…

– Мы только недавно пережили последнюю.

Бэйл затаил дыхание.

– Думаете, мне легко дается эта работа? Вы так думаете?

Найквист пожал плечами.

Голос Бэйла помрачнел.

– Поэт Теннисон описал время как «маньяка, рассеивающего пыль». Но что еще я могу сделать? Что еще? – Он повернулся и посмотрел прямо на Найквиста, его глаза наполнились эмоциями, настолько холодными, что это было почти невозможно понять. Затем его взгляд опустился, и он заметил несколько пятен темно-красного цвета на рубашке Найквиста. – Что это? Кровь? На вашей одежде кровь…

– Да. Кровь вашей дочери.

– Что? Ее ранили?

– Она сама это сделала.

Выражение лица Бэйла изменилось – уголки глаз сморщились, открыв некоторые черты, упущенные при последней медицинской процедуре. Первая истинная эмоция. Найквист почувствовал, что сыпет соль на рану, когда шагнул вперед со словами:

– Ваша дочь страдает. Она несчастна.

– Несчастна?

– Я не знаю, мистер Бэйл, что заставило ее сбежать. Но, бог мой, девочка таки сбежала.

Президент компании несколько раз покачал головой, прежде чем посмотреть на Найквиста. Вечно меняющиеся цвета города отражались на его лице мерцающими узорами. Секунды шли одна за другой. Патрик Бэйл закрыл глаза. Через мгновение, когда он снова открыл их, его лицо вновь стало лицом манекена.

– Я хочу, чтобы моя дочь нашлась. – Слова прозвучали в равномерном ритме – машина вернулась. – Если можете, сделайте это для меня. Остальное неважно.

Часы и тени

Офис Найквиста находился в Дневном районе, на Девятом участке, известном также как Горячее Тело. Давным-давно он был процветающим местом, популярным среди туристов из внешнего мира. Участок постепенно терял свои позиции на рынке, чтобы в итоге стать районом проституток. Позже из других кварталов сюда переехали некоторые художники, чтобы создать эту странную гибридную зону. Найквисту нравилась ее атмосфера, когда он находился вне офиса, ее улицы, залитые различными оттенками красного, интенсивное чувство жизни, преобладающее в таких местах, и человеческое существование на необработанных землях. Ходили слухи, что совет города хочет освободить эту территорию, но пока художественные и сексуальные странности процветали и вольготно распространялись.

Припарковав машину на обычное место, Найквист двинулся назад, по главной улице. Повсюду были все обычные подозреваемые: уличные поэты наряду с моделями и актрисами, специализирующимися на шаблонах тепла и света на полуобнаженных телах. На мощеном бульваре авангардные загорелые торговцы открыли магазин, где продавались зеркала, стеклянные баночки и вставные лезвия, сияющие вспышками алого света. Немного дальше труппа актеров показывала свои освещенные сценки с участием бога Гелиоса и его золотой колесницы. Сверху раздался скрежет. Найквист поднял глаза и увидел, как усердно работает группа лампочных верхолазов. В целом чем беднее район, тем ближе к улице неоновое небо, поэтому здесь было легко различить механиков. Они были одеты в плотные, термостойкие костюмы и очки для защиты глаз, а вокруг поясов завязали холщовые сумки с инструментами, запасом новых лампочек и другими электрическими запчастями. Приятно было наблюдать за их ловкими движениями, когда они цеплялись за стены и металлические конструкции с помощью крючков, страховочных веревок и присосок, а затем взбирались вверх ногами к куполу из ламп, похожие на беспокойных пауков.

Найквист свернул в переулок и вошел в магазин под названием «Разнообразные удовольствия». С потолка свисали хрустальные люстры, а на полках было выставлено множество интересных предметов – куклы-вуду, черепа змей и птиц, старые карты города с изображениями все большего распространения света, распятия, старинные граммофоны, странные хирургические инструменты и т. п. Сексуальные аксессуары, которыми славился магазин, едва отличались от некоторых других невинных устройств. Штора на окне висела неровно, из-за чего лучи света, попадавшие внутрь, пронизывали пыльный воздух серыми и

белыми полосками. По всему магазину раздавался звук тиканья настенных часов, часовых кукол, механических устройств и множества наручных часов, висевших на золотых и серебряных цепочках. Здесь Найквист всегда испытывал ощущение, будто он ходит внутри машины, предназначенной только для тиканья и звона.

В магазине работала семья Линдси – супружеская пара, шестидесятилетние голубки.

– Джонни, дорогой! – воскликнула Алана Линдси. – Где ты так долго пропадал?

Найквист положил зеленую сумку из шотландки на прилавок.

– В Ночном районе, – ответил он.

– О, ты провел там слишком много ночей, и это разъедает твою душу. Мы почти не ходим туда последнее время.

Найквист потер глаза.

– Ты хотя бы нормально спал?

– Часок здесь, часок там.

Это была правда.

Она поджала губы.

– Ты должен тщательнее следить за днями и ночами, Джонни. Убедись, что ты знаешь, что есть что, и где заканчивается одно, а начинается другое. А потом делай выбор!

Найквист кивнул.

– Это хороший совет. – Он залез в сумку и вытащил желтую ткань с завернутым в нее содержимым. – Не знаете, что это такое?

Алана посмотрела на странную фигурку и позвала своего мужа из задней комнаты. Миг – и Джуд Линдси появился рядом. Он был одет в свой обычный яркий наряд.

– Так, посмотрим, что у нас здесь? – пробормотал он и осторожно поднес кожаную фигурку к свету лампы.

– Есть какие-нибудь догадки? – спросил Найквист.

Джуд кивнул.

– Конечно. Это ваянг-кулит.

– Что?

– Теневая кукла. Используется в яванском театре.

Найквист мало что знал об этом.

– Она с Явы?

– Нет, нет, – ответил Джуд. – Это не один из традиционных персонажей, насколько я могу судить. Но хорошо сделан, заметь. О да, кукла исполнена мастерски. Видишь, обычно сюда и сюда, к рукам и шее, прикрепляются палки, и кукловод может заставить их ходить и бегать, прыгать и молиться. Все что угодно.

Алана взяла с полки маленькую книгу с твердой обложкой – дневник старого путешественника. Открыв его на прилавке, она постучала длинным красным ногтем по фотографии. Найквист изучил изображение: большой лоскут белой ткани, натянутый между столбами, за ним какой-то источник освещения и таинственные куклы, тени которых приняли причудливые образы на ткани. Две темные фигуры столкнулись друг с другом, то ли в драке, то ли в танце. Это было удивительное изображение, но он не мог понять, почему такая кукла оказалась у пропавшей девушки в сумке.

Джуд предложил одолжить ему книгу. Найквист поблагодарил их обоих.

– Что-нибудь еще, Джонни? – спросила Алана.

– Да. – Он снял наручные часы и протянул ей. – Вы не могли бы на них взглянуть?

– Тебе уже следует обзавестись новыми часами. – Она вставила в правый глаз монокль и принялась внимательно их разглядывать. – Что же, все в порядке. Они идут!

– С ними что-то не так.

– Что именно?

– Они отстают. Возможно, стрелки ослаблены.

– Да, может быть. Я с легкостью могу подтянуть их, но позволь-ка…

Алана открыла заднюю крышку часов и заглянула внутрь. Но как только она это сделала, случилось нечто странное: из латунного механизма поднялось серое крошечное облачко, которое через миг рассеялось в воздухе.

– Что это, черт возьми, было? – спросил Найквист.

– Возможно, пыль.

– Это больше походило на дым, – сказал ее муж. – Или даже туман.

– Но я очень аккуратно обращаюсь с ними!

– Мы знаем, Джонни.

– Они принадлежали моему отцу.

– Да, мы знаем. Но все же… – Она с отвращением подняла наручные часы. – Взгляни-ка! Потускневшие, ремешок почти сломан, циферблат треснул, минутная стрелка слегка согнута. А в продаже есть очень даже неплохие часы,

только недавно вышедшие.

В магазине вдруг стало слишком жарко.

– Они хорошие. – Найквист взял свои часы и защелкнул крышку.

Алана сделала последнюю попытку продать ему часы:

– Полностью регулируемые, Джонни! До пятидесяти разных временных шкал.

– Все нормально, спасибо.

Еще раз поблагодарив супругов Линдси за помощь и за одолженную книгу, Найквист направился к двери. На улице он остановился, чтобы отдышаться и вытереть пот со лба. К счастью, он находился на небольшом расстоянии от своего офиса на улице Нижняя Вспышка. Он поднялся по ступеням осыпающегося жилого дома. На первом этаже в своей будке сидел хозяин: тщедушный человечек по имени Куипс. Он всегда находился там, в стеклянной капсуле, и смотрел маленький устаревший телевизор. Пройти мимо него было невозможно.

– Ах, мистер Найквист! Это вы? Подойдите сюда, пожалуйста. Спасибо.

Найквист подошел к кабинке. На экране телевизора танцевали анимационные часы, а прекрасный голос успокаивал зрителя:

– Где мы окажемся без прекрасного Времени старой мамы? Она была любимицей семьи с тех пор, как вернулась.

Часы проскальзывали через залитые солнцем черно-белые поля. Куипс выругался:

– Жуткая дрянь! А это… – Он указал на дорожные часы, стоящие на полке. – Это мои единственные часы. Каждое утро я устанавливаю точное время с помощью звуковых сигналов по радио. Понимаете? Тик-так, тик-так! И я никогда не изменю свое время, никогда, пока не вернусь домой, в Ночной район.

– Не знал, что у вас есть дом, – сказал Найквист. – Я думал, вы живете здесь, в будке.

Куипс только отмахнулся.

– Вот как это происходит, один раз в день и один раз на ночь. Вы должны попробовать то же самое, мистер Найквист. Вместо того чтобы постоянно перепрыгивать с одной шкалы на другую. И может быть, тогда вы бы так не уставали, а? Потому что знаете, они говорят, что…

– По правде говоря, я не знаю.

– …на днях вы упадете прямо с края часов. И что тогда, а? Что?

Найквист вздохнул.

– Что вам нужно?

– Аренда. Очень большая просрочка.

– У меня выдался плохой месяц.

– Плохой месяц. Плохая неделя, плохой час, плохая минута, плохая секунда. Как у всех. Но попрошу вас все же заплатить в ближайшее время.

Часы на экране начали петь. Найквист моргнул и зевнул.

– Знаете, – продолжал Куипс, – вам следует покинуть этот город, если он приносит вам такие проблемы.

– Не могу. Я не могу этого сделать.

– Ну, тогда ладно. Хорошо. Посмотрим, что с вами будет.

Как обычно пообещав заплатить вовремя, Найквист поднялся на скрипучем лифте на третий этаж. Табличка на двери его офиса гласила: Джон Генри

Найквист, частный детектив. Он был не очень доволен тем, что за второе имя с него потребовали дополнительную плату, но решил, что так будет надежнее. Но пока это приносило мало пользы. Войдя в тесное помещение, он щелкнул выключателем. В его офисе стояли маленькая кушетка, письменный стол, пишущая машинка, пара стульев и ржавый шкаф для хранения документов. Единственное окно было задернуто шторами, сквозь тяжелую ткань пробивались медленно движущиеся образы. Спустя многие годы Найквист начал ощущать равнодушие к этому месту. Отдохнуть, переодеться, поспать, если нужно, сделать пару звонков по редким делам. Вот зачем ему офис. Он просмотрел полученную за прошлую неделю почту. Обычные счета и предложения «удивительных графиков, непохожих на любые другие, когда-либо испытанные!» Никаких чеков или наличных. Он включил потолочный вентилятор, старые лопасти начали медленно вращаться. Налив себе стакан виски, Найквист посмотрел на карту города и сделал глоток. Крупномасштабная карта была прикреплена к стене напротив окна. Он купил ее, когда впервые приехал в офис. Какие радужные были надежды… Его мать умерла, когда он был еще ребенком, а отец, скорбя по умершей жене, изо всех сил пытался воспитать своего сына в одиночку. Найквист всегда стремился уйти от таких чувств, найти свой собственный образ жизни. Он представлял, как путешествует по городу, по этому странному и красивому мегаполису, по всем его уголкам. Он потратил слишком много лет своей юности, меняя одну отвратительную работу на другую, слишком долго был в бегах. Новое начинание дало ему цель в жизни – он хотел фотографировать неверных супругов, находить похищенные товары, разгребать неприятности, искать беглецов, защищать слабых. Помогать людям, когда полиция спускала дело на тормозах или вообще отказывалась его открывать. Ничего особенного, но Найквист все равно проводил время на улице. У него были деньги, сила и ум, и за эти годы город вошел в его кровь, составив карту внутри его сознания. Он мог бы получить от этого какую-то выгоду. Да, так и скажите – какую-то выгоду.

Жизнь течет. Время проходит. Как давно он начал карьеру? Шесть лет назад, семь? Больше? Нет, он не мог вспомнить. Все чаще прошлое становилось туманным веществом, текущим и угасающим в его сознании.

Такие мечты, такие дивные желания…

Сев за стол, Найквист засунул в пишущую машинку лист бумаги и быстрыми движениями пальцев напечатал:

ДЕЛО ЭЛЕАНОР БЭЙЛ

Он смотрел на чистый лист, собираясь составить список всего, что знал, всех относящихся к делу фактов. Однако мысленно перенесся совсем в другие места. Эту пишущую машинку ему купила бывшая жена, когда он впервые начал заниматься бизнесом. Он написал ей последнее письмо – длинное, бессвязное прощание.

Найквист застонал от разочарования и, сделав еще глоток виски, посмотрел на настенные часы над картой. Переведя взгляд на наручные часы, он заметил, что, к счастью, стрелки теперь были видны четко. Но, разумеется, время на часах отличалось. Взяв телефон, он набрал трехзначный код. Успокаивающий голос молодой женщины в трубке сказал: «… точное время – двенадцать минут и двадцать секунд девятого. Время на этой неделе любезно предоставлено вам…» Найквист положил трубку. Повернув заводную головку часов, он настроил их на новое время. Он не мог сказать, перепрыгнул ли он вперед или назад, но это мало что значило. Изредка ему нравилось переходить на один из официальных временных графиков. Подойдя к окну, он отодвинул штору, и комнату залило яркими цветами.

Офис Найквиста находился над горизонтом этой части города – из-за более дешевой арендной платы. Следовательно, вид на улицу, с хаотичными мириадами огней, полностью заполонял окно, словно стекая сверху вниз. К стеклу прижимались лампочки. Через окно были видны сотни цветов – ожидаемый красный на улицах Горячего тела и другие, демонстрирующие оттенки предыдущей истории: ярко-зеленый, обжигающе оранжевый, снежно-белый, голубой, ослепительно желтый. Несколько лампочек уже перегорели. Найквист уставился на темные пробелы. Он не мог не думать о том, что сказал Куипс, о том, что слишком часто переводить часы – это опасно.

Раньше он мог без труда работать в этом городе. Он жил здесь всю свою жизнь, учился выживать, полагаясь на свой ум, уверенно и с легкостью переходя с одной из взаимосвязанных шкал на другую. Найквист двигался сквозь паутину часов и минут, и до сих пор ему удавалось оказываться примерно там, где он хотел, и почти вовремя. Его глаза, ноги и все тело ощущали сразу несколько разных хронологий, как будто время само по себе медленно заражало его плоть, овладевая им. Но в последние дни он все чаще терялся в моментах. Он был ошеломлен и сбит с толку. Он жил будто на чередующихся пластинках, каждая из которых соответствовала определенному представлению о том, каким время

было или могло бы быть. Пластинки продолжали скользить и сталкиваться друг с другом. Иногда он выходил из черной пустоты, чтобы найти себя, глядя на циферблат часов, просто смотрел, желая, чтобы стрелки на циферблате замерли, чтобы сделали оборот до одной последней секунды. Где он мог бы остаться, остаться навсегда. Это называли Скачком времени.

Неподходящее время. Всегда на взводе.

Его жена сказала:

– Ты слишком взвинчен, Джон. Этот чертов скачок разорвет тебя на две части. Этому нет оправдания.

И естественно, она была права. Никаких оправданий.

Он поднял окно, чувствуя, что температура постепенно повышается. Открыв шкаф для документов, он отыскал набор запасных лампочек, а затем, обернув руку тряпкой, заменил перегоревшие. Он не понимал, зачем он это сделал. И правда, несмотря на все свои усилия и сомнения, сильно ли он отличался от почти всего населения Дневного района? Как и они, он был одержим светом, постоянно горящим пламенем.

Закрыв окно и задернув штору, Найквист вернулся к столу и высыпал на него содержимое сумки Элеанор. Особый интерес представляли четыре предмета – номер телефона на клочке бумаги, теневая кукла, фотография молодого человека и флаконы с оранжевой жидкостью. Он также достал каталог, который одолжила ему семья Линдси, и некоторое время разглядывал разложенные перед ним предметы. Настенные часы отсчитывали секунды. Он поднял трубку и набрал номер, написанный на клочке бумаги. Гудок звучал будто издалека, на заднем фоне слышалось слабое шипение. Он немного подождал, но никто не ответил. Может быть, это неважно, подумал он: просто номер родственника, магазина или службы вызова такси?

Найквист внимательно посмотрел на лицо длинноволосого мужчины и перевернул фотографию: Энджелкрофт Силуэт. Загадочная надпись. Достав свой телефонный справочник, он отслеживал каждое слово, считая их именами. В списке был только один Энджелкрофт: Эдвард Томас, прописанный в участке Розовый свет – одном из наиболее престижных мест Дневного района. В списке

не было человека с фамилией Силуэт, но это слово было использовано в названии некоторых предприятий, в основном находящихся в Ночном районе. Набрав номер Энджелкрофта, Найквист имел очень короткий и гневный разговор с человеком, которого, очевидно, только что разбудили. Два человека из разных временных шкал спорили друг с другом – обычные перекрестные связи. Было предсказано, что в конечном итоге у каждого отдельного жителя Дневного района будет особенная личная шкала. И что тогда? Что случится с обществом? Принесет ли это полный хаос или странный, непредвиденный мир? Конечно, теперь остановить процесс слишком поздно – тикали уже двадцать миллионов часов…

Найквист уставился на предметы, лежавшие на столе. Это были подсказки. Если бы ему удалось объединить эти несколько фрагментов в одно целое, возможно, он приблизился бы к пропавшей девушке. Найквист был уверен, что Элеанор Бэйл угрожает опасность – либо от самой себя, либо от кого-то другого. Это было предчувствие, не более, но слишком сильное, чтобы его можно было игнорировать. И вопрос оставался тем же самым: от чего она убегала?

Он начал читать соответствующий раздел старого каталога.

«Наконец, наступил вечер спектакля. То, что я увидел, меня совершенно очаровало и останется со мной даже сейчас, спустя годы, в более комфортных условиях Англии. Не было ни театра, ни какого-либо здания, ни сцены – ничего, кроме открытого участка между деревьями. «Даланг» (кукловод) путешествовал по округу, устраивая эти представления в каждой деревне на своем пути. Он привез с собой все, в чем нуждался: экран из белой ткани, масляную лампу, бамбуковые палочки и различные «ваянг-кулит», как они называют куклы. Последние были надежно связаны в деревянном ящике. Спектакль длился всю ночь: семь часов, от заката до рассвета.

Проведя небольшое исследование, я узнал, что лишь немногие избранные обладают особыми качествами, необходимыми для того, чтобы стать далангом. Этот кукловод научился всему у своего отца и передал навыки своему сыну, который помог с ночным выступлением. Это серьезное дело и работа всей жизни. Далангу нужно рассказывать историю, управлять куклами, а также вести диалог от имени каждого персонажа. Время от времени он с треском ударяет правой ногой по чему-нибудь, чтобы отметить разные части истории. И все эти семь часов он неподвижно сидит, скрестив ноги, не имея права уснуть.

В ту ночь кукловод воплощал в жизнь старый эпос «Рамаяна»[3 - Древнеиндийский эпос на санскрите, автором которого в традиции индуизма принято считать легендарного мудреца Вальмики, имя которого упоминается еще в ведийской литературе как одного из учителей Тайттирии-Пратишакхьи. Является одним из важнейших священных текстов индуизма канона смрити.] с его благородными воинами, чудовищными зверями, королями-обезьянами, вульгарными шутами, прекрасными принцессами, изгнанными любовниками и великими битвами между силами тьмы и света. Публика собралась по обе стороны экрана; некоторые наблюдали за самими куклами, в то время как многие другие, включая меня, предпочли смотреть на движущиеся, танцующие и наносящие удары тени на белой ткани. Я был загипнотизирован мастерством даланга и самими куклами во всей их призрачной жизни. В пламени масляной лампы порхали насекомые, а из окружавшего деревню леса доносились звуки ночных животных. Должен признаться, что когда я отвлекался, то терял много времени, чтобы понять, что происходит в спектакле.

История продолжалась до самого восхода солнца, пока, наконец, между деревьями не забрезжила полоса оранжевого света, и спектакль подошел к концу. Позже от одного из пожилых мужчин я узнал любопытный факт: во время игры теней принято считать, что жители деревни защищены от зла…»

Найквист налил себе второй стакан виски. В комнате стояла мертвая тишина. Все, что он слышал, – это тиканье настенных часов. Вообще-то ему следовало встать и установить такое же время, как на наручных часах, но это казалось слишком сложной задачей. У него было ощущение, что до того, как девушка будет доставлена в безопасное место, пройдет еще много времени. Если ему удастся найти ее. Чего-то не хватало, между предметами на столе не было никакой связи. Он застонал и поднес руку к вспотевшему лицу. Несмотря на жару, он дрожал. Над головой вращался вентилятор, едва охлаждая воздух. С каждым его оборотом через пулевое отверстие в лопасти доносился свист. За шторой пульсировали огни. В комнате появилась дымка.

Часы отставали. Время, наконец, догнало его. Слишком много времени проведено на ночной стороне перед переездом в Дневной район – место внезапного потока света. Минуты ускользали и исчезали, медленно останавливаясь. Он задремал, мечтая о тумане, сумерках…

Они приближались, обвивая его, касаясь его тела.

Фигура в сером свете.

Она приближалась. Лицо. Этот взгляд в его глазах.

Отец, который зовет его из тумана.

– Помоги мне, Джонни, мальчик мой. Спаси меня…

Найквист проснулся и выругался. Каждый раз одно и то же. Тот же сон, как будто сумерки вселились в него.

Он допил остатки виски и подошел к висевшей на стене карте. Дневной район простирался по всей северной части города, занимая более половины общей площади. На юге находился Ночной район, где царила тьма. Между ними пролегала серая полоса, обозначавшая узкую пограничную зону между двумя основными частями города. Официального названия для этого района не было, но большинство людей называли его Сумрачным районом, или Землей сумерек, или даже Нулевым участком и говорили о нем шепотом, как о месте, которое никогда не стоит посещать. Это было необъяснимо – Сумрачный район появился сам по себе в течение прошедших лет как медленно распространяющаяся болезнь. Как пятно на карте. Городской совет заверил всех, что Сумрачный район находится под контролем, что он не представляет угрозы и его продвижение вперед ничтожно. Тем не менее люди думали об этом месте, распространяя слухи о том, что Дневной район окутает туманом через одно, два или три поколения. Говорили, что там, в пустынных полях, залитых лунным светом лесах и старых заброшенных деревнях живут призраки и другие странные существа. Но на карте не было детального изображения этой территории, за исключением нескольких железнодорожных путей – единственного средства передвижения (поскольку все дороги были закрыты), с помощью которого можно было добраться из Дневного района в Ночной и обратно. Найквист положил руку на узкую серую область, а затем переместил пальцы вверх и провел по ярко освещенным улицам Дневного района. Сверху вниз и справа налево карту пересекали едва заметные черные линии, образующие сетку. В его голову внезапно пришла мысль. Он достал из ящика стола свой алфавитный атлас улиц и начал искать слово «Энджелкрофт». Было всего одно упоминание – переулок на границе Сумеречного и Дневного районов. Слово «Силуэт» встречалось чаще, все улицы и дороги, имевшие это слово в названии, находились в Ночном районе – дорога Силуэт, проспект Силуэт, проезд Силуэт, коттедж Силуэт и т. д.

Возможно, эти два слова – часть адреса?

Найквист снова набрал номер телефона, но на этот раз подождал немного дольше. На другом конце кто-то взял трубку, но не произнес ни слова. Были слышны лишь странные, почти неразличимые звуки.

– Алло? Чей это номер?

Сначала никто ему не ответил. Раздался слабый шуршащий звук, а затем, наконец:

– Вы позвонили мне, – прозвучал далекий и искаженный мужской голос.

– Да, а вы…

– Вы позвонили мне! Почему? Что вам нужно?

– Меня зовут Джон Найквист. Я надеялся поговорить с Элеанор, Элеанор Бэйл.

Ему показалось, что он услышал вздох, но это могли быть помехи на линии.

Голос повторил имя удивленным тоном:

– Элеанор?

Найквист сжал трубку.

– Да. Меня наняла ее семья, чтобы вернуть ее домой. Я нашел ваш номер среди ее вещей.

Тишина. Несколько равномерных вздохов. И затем:

– Мне нужна ваша помощь. – В просьбе прозвучало отчаяние.

Найквист был удивлен.

– Чем я могу вам помочь? – спросил он.

– Не дайте ей найти меня. – На этот раз голос прозвучал яснее.

– Кто это? С кем я говорю?

– Ее отец.

Найквист застыл. Мысли медленно ворочались у него в голове. Этот голос не был похож на голос Патрика Бэйла.

– Послушайте, это какая-то шутка…

Мужчина на том конце провода взвизгнул:

– Она не должна приближаться ко мне. Никогда!

Найквист крепко сжал трубку возле уха, желая услышать больше. Электрический гул, шорох, отдаленные крики.

– Скажите же что-нибудь! Кто вы на самом деле?

Голос спросил:

– Сколько сейчас времени?

Найквист посмотрел сначала на наручные часы, затем на настенные, пытаясь выбрать между ними.

– Не знаю. Я не уверен.

– Девушка. Держите ее подальше, слышите! Она опасна. – Судорожный вздох. – Вы меня слышите?

Найквист слушал. Поверх звука линии он услышал мелодию. Она была какой-то странной, ненастоящей. Может быть, заводной граммофон? И вдруг он услышал кукование. Странное, изменяющееся, механическое. Раз, два. Собеседник считал вместе с курантами. Три, четыре.

– Три. Четыре… – Ку-ку прозвучало в последний раз.

– Пять. Сейчас пять часов. Я не знаю, сколько еще смогу продержаться, прежде чем… – пробормотал голос, – …больше не смогу ее защищать.

Найквист быстро заговорил.

– Где вы?

– Я боюсь. Боюсь того, что может с ней случиться.

– С Элеанор?

– Да. Послушайте, она в опасности.

– Думаете, она направляется к вам?

Человек чуть замялся, потом сказал:

– Я уже предупреждал ее держаться подальше. – Этого было достаточно, чтобы Найквист заподозрил худшее.

– Скажите мне, где вы находитесь!

На линии был лишь шум – смесь скрежета, сопения, вздохов и едва слышного рева животных. Это был звук сумерек – земли под названием Сумрачный район. Шипение. Так это назвал его отец после всех сделанных вместе записей.

И этот шум заставил Найквиста замолчать. Он испугал его.

Голос все еще звучал, еле пробиваясь сквозь помехи. И последние несколько слов:

– Пожалуйста. Не дайте Элеанор найти меня. – Тут что-то щелкнуло, и связь оборвалась.

Найквист отбросил свой страх. Быстро перелистав страницы атласа улиц, он нашел в нем страницу со словом «Энджелкрофт». Переулок находился прямо там, на краю Сумрачного района. Это он? Адрес мужчины в Дневном районе? Переулок Энджелкрофт?

Ему нужно было принять решение.

Неужели это был отец Элеанор? Она искала его?

«Я больше не смогу защищать ее. Она в опасности…»

Этот ужасный голос звучал так безнадежно, так отчаянно…

Подойдя к висевшей на стене карте, Найквист отыскал нужное место. Вот этот переулок, в квартале под названием Полумрак, расположенном на юго-восточном краю Дневного района, в нескольких километрах от того места, где он сейчас находился. Ему нужно спешить. Он перевел наручные часы на время часов с кукушкой, бой которых он слышал. Схватив пиджак, Найквист почти вышел из кабинета, но вдруг остановился на пороге.

Он действительно должен был это делать?

Ему было страшно, по телу бежала дрожь от одной мысли о месте, куда он собирался…

Старый кошмар.

Ему пришлось столкнуться с этим.

Часы показывали шесть минут шестого.

Entre chien et loup[4 - В сумерках (фр.)]

Он направлялся на юг от центра. За окном автомобиля проносились яркие огни Дневного района, и улицы становились все холоднее и темнее. Несмотря на то, что это было едва заметно, Найквист видел каждую выключенную лампочку, каждую погасшую неоновую вывеску, каждую отключенную рекламу, которые были словно частицы ночи, затмевающие день. На пути попадалось больше ветхих зданий, многие двери и окна в них были выбиты. Некоторые магазины у дороги были открыты, но в витринах было совсем немного ярких и блестящих предметов. Многие другие заведения, казалось, закрыли навсегда: в их окнах, заколоченных деревянными досками, зияла темнота. Мужчины и женщины суетливо перемещались между маленькими освещенными участками, как будто опасаясь быть пойманными. Они выглядели несчастными и отчаявшимися. Или слегка сумасшедшими.

Крепко сжимая руль, Найквист поехал дальше, внимательно высматривая следующий поворот. Дорожные знаки больше не работали. Время от времени ему приходилось притормаживать, чтобы свериться со страницей, вырванной из атласа улиц. Он уже дважды сбивался с пути. Проехав мимо квартала Последний выход, он заметил, что люди встречаются все реже. Немногие прохожие смотрели на машину словно на какого-то таинственного зверя.

Людей было все меньше и меньше, а потом они и вовсе исчезли.

На улицах не осталось ни души. Воздух заметно изменился, словно загустел, как будто атмосферу наполнило чужеродным веществом. Еще один поворот, и Найквист заметил первые завитки серого тумана. Он проехал через заброшенную промышленную зону. На улицах горело всего несколько фонарей. Все здания были покрыты тенью, лишь редкие и прерывистые огни мерцали, как потерянные духи. Найквист включил фары. Их лучи еле пробивались сквозь дымку, видимость значительно ухудшилась. Машину обволакивал туман. Найквист уже не мог видеть четких очертаний предметов. Все, что находилось за желтым светом фар, терялось в мрачном сером мире.

Машина остановилась.

Включив в салоне свет, он взял страницу карты и начал искать место, которое обозначил красным крестом. Маршрут, по которому он должен был двигаться,

казался достаточно простым, но когда он посмотрел через лобовое стекло и окна машины прямо и по сторонам, то не увидел никаких ориентиров. На улице не было ни души, и не слышалось ни единого звука. Он был здесь один – на пороге царства Сумерек. Заглушив двигатель, Найквист открыл дверь, вышел из машины с фонариком, который он достал из бардачка, подсветил наручные часы. Они показывали пятнадцать минут седьмого. Дорога заняла больше времени, чем он ожидал. Он направил луч фонаря на дорогу и двинулся вперед. Найквист еще никогда настолько не приближался к сумеркам, не считая того, когда проезжал этот район на машине или поезде. Ощущение наполняющего его страха было отвратительным.

Найквист всей душой ненавидел мрак, сумерки и все, что за ними скрывалось.

Туман, пока еще довольно редкий, казалось, протянул руку и коснулся его, когда он продвигался вперед. Все это место было населено призраками. Из холодных темных зданий, мимо которых он проходил, доносились незнакомые звуки. Под ногами по земле скользили бесплотные тени. У него не раз возникало желание вернуться в машину и махнуть рукой на девушку и таинственного собеседника. Возможно, это была какая-то жестокая шутка. Но его не покидало назойливое чувство, что он каким-то образом подвел Элеанор Бэйл, позволив ей сбежать тогда, в игорном заведении. Только это чувство и заставляло Найквиста двигаться дальше.

Он подошел к детской площадке, где скрипели ржавые качели и карусель. В воздухе стоял туман, но все же здесь веяло легким ветерком. Увидев качели, Найквист понял, что прошел старые фабрики и промышленные предприятия и теперь направляется к ряду домов, чьи черные очертания вырисовывались в полумраке. Он прошел мимо машины, припаркованной у дороги, а затем еще немного дальше. Двери зданий были открыты настежь, а краска на них практически облупилась. Все дома на этом покинутом участке были темными и пустыми. Заброшенное место. И ни души вокруг. По непонятной причине в воздухе стоял запах дыма, опавших листьев и осени. Кожа Найквиста стала сухой и будто прилипла к костям. Во рту он ощущал вкус пепла. Он однажды слышал французскую фразу о сумерках – entre chien et loup, которую можно перевести как «между собакой и волком». Сумерки – то время дня, когда невозможно различить, какой из этих двух зверей домашний, а какой дикий. Опасное время, когда чувствам нельзя доверять.

Найквист двинулся дальше. Его фонарик осветил какие-то предметы одежды, висевшие на деревянном кресте в саду – незамысловатое чучело. Это было признаком относительно недавней деятельности. Возможно, одного из странных религиозных культов, которые преклонялись перед окраинами Сумрачного района и его священной почвой. Туман, который сначала был грязно-серым, теперь приобрел более тусклый оттенок – серебристый и словно освещенный изнутри. Его завитки окутывали Найквиста, тянулись за его ногами. Температура несколько снизилась. Он повернул за угол, и вот она – граница самого Сумрачного района. Квартал под названием Полумрак.

В этом городе Сумрачный район был местом, а не временем – сплошной стеной тумана, в которой исчезал свет Дневного района. Место призраков, мертвых дорог, неизвестных жизней. По делам службы Найквист бывал во многих уголках города, как в дневное, так и в темное время суток, но это сумрачное место было для него личной запретной зоной. Он боялся. На этой границе находили странные жертвоприношения – сначала тщательно подготовленные трупы домашних и других животных, а позже начали рассказывать о полуживых людях, тела которых были оставлены здесь, чтобы смягчить богов или демонов, которые властвовали над этими землями. Другим жертвам везло еще меньше. Такие ходили легенды. Никто не мог сказать, правда ли это, но причина странных церемоний сводилась к одному простому объяснению, неизменно повторяемому любым рассказчиком: сумерки получат свою долю человеческой жизни. Вспомнив об этом, Найквист вздрогнул. Сумерки манили его. Над головой в тумане светила луна. Кто-то или что-то поджидало его там, в густой дымке. Он был уверен в этом. Он чувствовал это, когда осторожно продвигался вперед, крепко сжимая в руке фонарик. Он немного прошел по железной дороге, а затем свернул налево – к тому месту, где в землю были воткнуты несколько причудливых металлических предметов, похожих на языческие скульптуры. Вблизи эти устройства оказались остатками давно заброшенной метеорологической станции – термометр, барометр, анемометр, дождемер, гелиограф и так далее. Осколки разбитого зеркала и нитки бусинок, обвязанные вокруг приборов, искрились в луче фонарика. Опять же, свидетельство недавнего вмешательства человека. На ручке одного из устройств сидел ворон, начавший оглушительно каркать, когда Найквист приблизился. Кроме этого звука до его ушей донесся еще один, похожий на скрежет металла о металл. Найквист развернулся, пытаясь обнаружить источник шума. Он увидел фигуру, полностью облаченную в белую материю, с маской на лице. Этот человек, мужчина или женщина, проскользнул сквозь тени и исчез. Неподалеку хлопнула дверь.

– Элеанор? Вы там? Элеанор!

Снова заклекотал ворон. Метеорологические приборы скрипели во мраке. Найквист вытащил из кармана карту и направил на нее фонарик. Он был уверен, что вот-вот обнаружит искомое. Только бы ему удалось сориентироваться. Туман ухудшал его зрение. Он пошел дальше, доверяя своим инстинктам, и уже на следующем повороте обнаружил ряд таунхаусов, смоляно-черных в серебристом тумане. Все они выглядели пустыми. Он увидел еще несколько заброшенных автомобилей.

В последний раз, когда Найквист находился настолько близко к этой линии тумана, ему было восемь лет. Его бедный, запутавшийся отец таскал его по разным так называемым «научным миссиям». Город был еще не так ярко освещен, как сейчас, и сумерки не так затмевали дневной свет, но маленький Найквист очень боялся, когда его отец устанавливал в этом месте устройство записи – большой латунный рог, повернутый в сторону тумана. Острая игла на его конце царапала спиральный паз в цилиндре из воска, отслеживая и отображая вибрации звука. Работа мальчика заключалась в поддержании огня рядом с оборудованием, чтобы воск оставался мягким. В свете пламени он наблюдал, как вращается цилиндр. Игла почти выпрыгнула из воска, как вдруг раздалось уханье совы. Мальчик пытался скрыть свой страх, а его отец с трепетом говорил о Туманном времени призраков, где в странном ритме движутся мертвецы и нет счета на часы. Отдаленным взглядом он смотрел на луну, сияющую сквозь туман, и рассказывал о своей жене, матери Найквиста, которая ждет их в тумане.

– Она там, сынок, – шептал он. – Однажды она поговорит с нами, нужно только подождать.

Джонни не мог произнести ни слова. Он испытывал страх перед чем-то или кем-то, что выйдет к нему из тумана. И он знал, что это будет не его мать. Скорее, какой-то монстр или безумный зверь или ведьма. И это существо пугало его до смерти.

Несколько месяцев спустя, когда его отец отправился в серую зону один, туман сумерек забрал его тело. Больше его никто ни видел. «Она зовет меня из тени» – вот последние слова, которые он сказал сыну.

Найквист услышал странный отдаленный звук. Холодный туман, словно туго натянутая маска, обволакивал его лицо, и он резко вздрогнул. Он попытался отогнать воспоминания о своем детстве, чтобы не сбиться с пути. Что-то происходило. Звук становился все громче, он был в этом уверен. Вот только откуда он доносился? Найквист не мог этого сказать. Шум делался все громче и громче. Он был похож на вой раненого зверя из потерянных миров. Найквист застыл на месте и выронил фонарь. И вдруг увидел нечто, быстро приближающееся из густой пелены сумерек: в тумане вспыхнули желтые глаза, и детектива обдало жаром, светом и свистящим порывом ветра.

Всего в нескольких метрах от Найквиста пронесся экспресс. Из трубы валил густой черный дым, свет из окон бросал блики на испуганное лицо сыщика. С пронзительным свистом поезд пересек границу и исчез так же быстро, как появился, направляясь в яркий Дневной район. Звук еще несколько секунд не стихал, пока, наконец, не исчез вдалеке. Наступила тишина, нарушаемая лишь еле слышным «шшш». И в облаке тумана, над границей Сумрачного района, Найквист увидел движущуюся темную фигуру. Он не мог сказать, человек это или животное, но она была определенно живой и прямо стояла на двух ногах. На мгновение фигура застыла на месте, как будто наблюдая за ним, и через миг скрылась в тумане. Найквист покрылся холодным потом, сердце колотилось в бешеном ритме. Он довольно долго не мог успокоиться. Наконец он наклонился, поднял фонарик и снова повернулся к ряду домов, сосредоточившись на задании, чтобы восстановить свои нервы.

Перед глазами возник дорожный знак: «Переулок Энджелкрофт».

Он нашел его! Впереди горел бледный и мерцающий свет – единственное видимое освещение, отличающееся от лунного света. Сияние исходило из нижнего окна дома. Найквист направился в его сторону. Ворота болтались на петлях, и он шагнул в сад, сразу же почувствовав отвратительный запах гниющих растений. Ему стало дурно. Земля под ногами была влажной и рыхлой, усыпанной опавшими листьями и другими увядшими или засыхающими растениями. Над забором повисли голые ветви низкорослого вяза. В илистом грунте уцелел только один вид цветов. Их лепестки были светлыми, как будто природа создала их именно для этого региона. Найквист сделал еще шаг и увидел лежащий в сорняках фонарик: его свет слабо мерцал в пелене серого тумана. Вокруг него порхало несколько бабочек. Теперь Найквист знал: кто-то недавно был здесь и, как и он, искал что-то.

О земле Сумерек ходило немало легенд, и Найквист знал большинство из них наизусть. О том, как люди терялись в этом тумане и их больше никогда не видели. О том, что если вдохнуть туман, то он заражает легкие и все тело чумой. О том, что в сумерках хранятся тайны, выходящие за рамки того, что действительно нужно знать. Место призраков, блуждающих духов.

Обычные легенды, но ему приходилось в них верить. Несмотря на все, что он знал, несмотря на слова отца и его исчезновение.

Дом манил его. В окне горел желтый свет, и Найквист увидел провод, ведущий вниз от ближайшего телефонного столба в приоткрытую форточку. Он сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Когда он закончил, изнутри дома послышались звуки – голос, возможно, женский. Он не был уверен. Кто-то кричал в полумраке. Крик ошеломил Найквиста. В нем было отчаяние, но он звучал приглушенно, протяжно, как будто кричавшему затыкали рот тряпкой. Входная дверь скрипела на петлях, ударяясь о раму.

Найквист попытался успокоиться.

В тени шелестели ветви мертвого дерева.

Он подошел к дому.

Комната на краю сумерек

В коридоре Найквиста встретила холодная тишина. В доме не было заметно ни малейшего движения, кроме нескольких сгустков тумана, окутывающих стены, как кружевные ленты. Женский голос стих. Теперь луч фонаря был значительно слабее, его энергию поглощало присутствие сумерек. Свет, который он видел с улицы, горел в боковой комнате, посреди которой стоял одинокий торшер. Открытая лампочка то вспыхивала, то тускнела, медленно и прерывисто, словно ею управлял сонный радиотелеграфист азбуки Морзе. Найквист вошел в комнату. На клочке покрытого плесенью ковра стояли небольшая газовая плитка и несколько чашек и консервных банок. Кроме этого в комнате был разобранный телефон, рядом лежали детали. Вокруг телефонного провода, тянувшегося вверх к приоткрытой форточке, обвивались тонкие сгустки тумана. Это зрелище напомнило ему о рассказах, которые он читал в «Сигнальном огне». О людях,

которые живут на границе Сумрачного района и создают свои собственные устройства и приспособления. Но они делают это совсем не так, как некоторые наркоманы, любители разбирать и собирать бытовую технику. Очевидно, кто-то устроил себе здесь подобие дома.

Найквист двинулся вдоль короткого коридора. В воздухе стоял запах сырости, место выглядело давным-давно заброшенным. Дальнюю стену покрывала темно-зеленая плесень. Он остановился у подножия лестницы. Отсюда он увидел кухню. Кухонное окно, как и стеклянная панель задней двери, были полностью затуманены. Зрелище этого странного тумана гипнотизировало его. Казалось, это был сам лунный свет, постоянно переливающийся в новые образы, в то время как более темные пятна переплетались в свои собственные узоры. Через приоткрытую заднюю дверь сгустки тумана просачивались в дом. Обернувшись, Найквист посмотрел на лестницу и снова услышал крик женщины, доносившийся со второго этажа. Он осмелился позвать:

– Кто там? Кто это?

Тишина. Найквист услышал только эхо своего крика. Он поднялся на лестничную площадку. Здесь голос был отчетливо слышен. Он звучал очень низко, но определенно принадлежал той мучительно кричавшей женщине. К голосу добавился еще один звук, похожий на бой часов с кукушкой, который он слышал по телефону. Часы висели на стене, в нескольких метрах от него. Они пробили еще раз, неторопливо и устрашающе, и из своего укрытия появилась желтая крошечная птичка. Найквист подошел к часам. Голос женщины снова стих. Он представил себе, что звук растворился во влажных стенах. После паузы часы пробили еще трижды. Деревянные стрелки на циферблате были согласны с кукушкой. Было по-прежнему пять часов, как и во время телефонного звонка. В этом доме время стояло на месте.

Найквист посмотрел на наручные часы. Циферблат запотел.

И вдруг он услышал голос Элеанор.

Это была она, в этом он был уверен.

Он поспешил на звук по коридору и, остановившись перед открытой дверью в большую спальню в задней части дома, заглянул внутрь. Окно здесь было

широко открыто, в проеме витали туман и лунный свет. Комнату озаряло жуткое серебристое свечение.

В стороне, спиной к нему, совершенно неподвижно стояла Элеанор.

Еще один человек, мужчина, сидел на кровати в углу комнаты, ближе к окну. Его лицо скрывала тень. Элеанор произнесла:

– Я тебе не верю.

Ее голос был тих, слова бесстрастны. Мужчина не ответил, но слегка пошевелился на кровати, и Найквист увидел в тумане металлический блеск. Мужчина держал нож. Длинное тонкое лезвие излучало тусклый свет, словно его коснулась луна.

У Найквиста возникло ощущение, что он смотрит сцену из театральной пьесы, причем является единственным зрителем. Его пока не замечали.

Он застыл на месте, боясь пошевелиться.

Время шло, и у него не было ни малейшего предположения, что произойдет в следующий момент.

Элеанор глубоко вздохнула. Ее настроение изменилось, и она, похоже, расслабилась.

– Пожалуйста, – сказала она. – Скажи мне, что это неправда. Скажи мне это!

В ответ человек на кровати приподнялся, и Найквист узнал его лицо. Это был мужчина, которого он видел на фотографии, найденной в сумке Элеанор. Но на том снимке, сделанном гораздо раньше, он был молод, ему было двадцать с небольшим. Тогда как человеку, сидевшему сейчас перед Элеанор, легко можно было дать все сорок. Волосы все еще были длинными, спадали ниже плеч, но в них уже начала пробиваться седина. У висков появились проплешины. На морщинистом бледном лице застыло выражение страха. Он умолял ее, его голос с каждым словом становился громче и громче.

– Ты должна понять, мною руководила любовь – и ничего больше. Тем не менее цена оказалась слишком высока, слишком много боли и потерь.

Он плавно провел ножом перед грудью. Это не казалось угрожающим жестом, но лезвие было направлено на девушку. Он говорил с тоской.

– Пожалуйста… Элеанор… Ты должна держаться подальше от меня и Сумрачного района.

Подняв фонарик, Найквист направил луч света прямо в лицо мужчины. Тот даже не моргнул, не сводя глаз с Элеанор. Сама девушка не пыталась взглянуть на луч фонаря. Из-за этого Найквист почувствовал себя невидимкой, совершенно лишним в этой сцене. Он был тихим незаметным наблюдателем, и не более того.

Через окно в комнату просачивался туман, обволакивающий Элеанор. Найквист чувствовал, как колотится его сердце. Он весь покрылся потом. Капли, стекающие по лбу, попадали в глаза. Клубы тумана наполняли комнату, создавая неизвестное атмосферное или магическое явление. Перед глазами Найквиста возник серебристо-лунный занавес, через который он смотрел в беспомощном удивлении. То тут, то там темные образы приобретали более четкие очертания, сменяясь новыми, которые, в свою очередь, принимали свой причудливый облик. Один из них казался почти человеческим, прежде чем, как и другие, растворился в новом узоре. Элеанор и мужчина на кровати остались на своих местах. Сверкнул нож. Найквист попытался освободиться от чар, но напрасно – туман не отпускал его. И он вдруг представил своего отца, стоящего на краю сумерек, смотревшего в никуда глазами, уже отвыкшими от дневного света, а затем шагнувшего вперед, чтобы встретиться с тем, что его там ждет.

Из коридора снова донесся бой часов с кукушкой. И снова лишь пять ударов. Шум привел Найквиста в чувство, заставив его сосредоточиться на странной сцене, разыгрывавшейся перед ним. В комнате, как и прежде, находилось три человека: Элеанор, мужчина на кровати и сам Найквист. Струйки тумана теперь тянулись к нему, словно бесчисленные тощие человеческие руки, ищущие утешения или же простертые в мольбе. Они ласкали его. Он почувствовал, как одна из них обвивает запястье. Найквист пребывал в трансе. Сделав шаг, он почувствовал, как ему в лицо, размахивая желтыми крыльями, бьется бабочка. Он поднял руку, чтобы отмахнуться от нее, и вдруг почувствовал слабость. Взгляд стал размытым. Туман полностью заполнил комнату. Найквист едва различал что-то на расстоянии вытянутой руки. Шум обжег его череп

ожесточенным белым сиянием – других слов для описания этого чувства не было. Его насильно удерживали в трансе. А затем тьма. Глаза Найквиста закрылись.

Секунды медленно шли одна за другой…

Элеанор кричала.

Найквист чуть не споткнулся, будто внезапно освободившись от сна.

Теперь он стоял у кровати возле Элеанор.

Он не мог вспомнить, как туда попал.

Туман немного рассеялся.

Перед Найквистом предстало ужасное зрелище.

Мужчина на кровати рухнул спиной на подушку. Из открывшейся на шее раны текла кровь. Он с усилием моргнул, безуспешно попытавшись потянуться к девушке.

– Элеанор, дитя мое, – прошептал он. – Элеанор, тебе нужно уходить, пожалуйста, покинь город. Они тебя ищут!

Найквист с ужасом понял, что нож теперь у нее в руке и лезвие его окрашено в красный цвет.

Мужчина закричал:

– Элеанор, беги! Беги! Уходи!

Мысли Найквиста затуманились. У него пропало ощущение времени, он не понимал, как это могло произойти. Перед глазами стояли только отдельные образы: нож в руках, кровь, рана на шее мужчины. Голова шла кругом. И вдруг снова, на сей раз четко, раздался бой часов с кукушкой, отсчитывая четверть

нового часа. Время вернулось в комнату, как дыхание в тело тонущего человека после того, как его вытащили на берег.

Теперь было пятнадцать минут шестого.

Ринувшись вперед, Найквист положил руки на рану мужчины, крепко прижимая, чтобы остановить кровь. Но усилия его были напрасны.

Элеанор подошла к нему. Умирающий отреагировал на ее присутствие как на последний в жизни шанс – как моряк, которому в последний момент удалось зацепиться за борт корабля. Он мягко произнес ее имя: «Элеанор». И в следующий момент замолчал навеки.

Из его глаз ушла жизнь.

Элеанор осталась там, где была.

– Его больше нет?

Ее голос был тихим, почти удивленным. Платье разорвано и покрыто красными пятнами. В руке она все еще держала нож.

Найквист кивнул.

– Он умер. Вы… вы видели, что произошло?

Она несколько смутилась, а затем ответила:

– Кажется, он убил себя.

Найквист ощутил внезапный страх от того, что она может сделать, но не ему, а себе. Она могла вонзить нож в свое тело. Девушка смотрела вперед почти невидящим взглядом, и он вспомнил, как она методично и бесстрастно вонзала в грудь осколок лампочки. Одна дурная мысль может перевернуть все. Он потянулся к ней и, осторожно вытащив нож из ее руки, бросил его на кровать. И с этим простым действием Элеанор потеряла контроль над собой. Она сдалась и тихо сказала:

– Этот человек был моим отцом. Настоящим отцом.

Произнеся это, она закрыла глаза. Найквист схватил ее, пытаясь помешать сделать то, что она задумала. Но она оттолкнула его. На мгновение ему показалось, что она не выдержит, изойдет криком от невыносимой боли и печали. Но этого не случилось. Они стояли довольно далеко друг от друга, и девушка говорила так тихо, что слова были едва различимы.

– Это моя вина. Во всем виновата я.

Она говорила не с Найквистом и не сама с собой, а с мужчиной, неподвижно лежащим на кровати.

Но ответа не было, да и быть не могло.

Найквист стоял у окна. Выглянув, он увидел, как туманы Сумрачного района собираются в огромные облака, а над ними висит молочно-белая луна, озаряя своим мертвенным светом давно заброшенный квартал Полумрак.

Путеводитель: запутавшиеся в блудливом времени

Путешественники, впервые посетившие Дневной район, часто путаются в измерениях времени. Здесь сложно ответить на повседневные вопросы, такие как, например, «Когда у нас обед?», не говоря уже о более важных, полностью зависящих от пунктуальности.

Скоро…

Многие путешественники и новоприбывшие предпочитают устанавливать свои часы на время их родного города, где происходит обычная смена дня и ночи. Однако истинная особенность Дневного района будет по-настоящему оценена только в том случае, если они откажутся от своих часов. Вначале такой отказ неизбежно приведет к чувству дезориентации. Первоначально задуманный как Прекрасное Царство Вечного Удовольствия, город, с его неизменно дневным светом, кажется, существует где-то вне нормального времени.

Скоро. Скоро…

У наименее опытных гостей часто возникает ощущение, что они прибывают в хаос. Жаль, что сейчас многие покидают город в страхе, не понимая того, что Дневной район не является местом, где живут по одному времени, – в нем используется много разных временных шкал. Самая популярная из них, которую выбирает большинство новоприбывших, известна как Официальное стандартное время. Эта шкала, предоставляемая бесплатно, делит день на тридцать шесть одинаковых единиц, каждая из которых передается сигналом по радио «DZ1.»

Так скоро…

Через некоторое время многие люди испытывают желание приобрести один из более экзотических стандартов, таких как Искусственное реальное время, Альтернативное публичное время или даже Независимое абстрактное время. Кроме того, отдельные шкалы используются различными бизнес-сообществами, политическими партиями, полицией, медицинскими работниками и другими. Учреждения, клубы, футбольные команды и религиозные ордена имеют свои собственные временные шкалы. Теле- и радиопрограммы попадают под шкалу Построенное время реальности. Семьи или группы друзей часто находят свои способы деления дня на подходящие единицы. Между тем пылко влюбленные часто переходят к запутанной хронологии, называемой Цветущее время страсти, где день состоит из сорока девяти неравных единиц, отдельные из которых движутся быстрее или медленнее, чем другие, в зависимости от текущего накала страсти между влюбленными. Все большее число компаний теперь спонсируют свои собственные временные шкалы. Другие стандарты создаются местными заинтересованными группами.

Очень скоро…

Дневной район освободился от ограничительных циклов дня и ночи, лета и зимы. Из-за этого время развивалось по-разному, каждая шкала прошла свой уникальный путь. От корпоративной до личной, включая все шкалы между ними, эти временные графики сосуществуют одновременно. Их становится все больше, они окутывают улицы города сложной невидимой паутиной. Старожилы гордятся своей способностью быстро и почти не путаясь переходить от шкалы к шкале. Этот переход приносит им удовольствие. Просто не забывайте переводить часы, когда переходите на другую шкалу, и ограничивайте количество графиков, используемых в течение одного периода бодрствования.

Кроме того, обратите внимание, что здесь перечислены только законные шкалы. Существует много нелицензированных хронологий. Мы советуем путешественникам избегать таких незаконных продуктов, какими бы заманчивыми они ни казались. Они не были надлежащим образом проверены на человеческой психике и могут оказывать чрезмерное воздействие на биологические часы организма. В крайних случаях такое злоупотребление может привести к серьезному психическому дисбалансу.

Скоро. Скоро. Скоро…

Дневной район – город миллионов часов, каждые из которых идут по-разному. Где вы окажетесь? Когда это произойдет?

Сейчас…

Незавершенное дело

Фестиваль Бога Солнца был в самом разгаре. Квартал Горячее тело искрился светом вечного полудня, создавая такой эффект миража, что проспекты и бульвары, казалось, дрожали от фантомных фигур. Изо всех дверей и окон доносились новые песни о дневном свете, обдавая теплой волной участников праздника. Мужчины, женщины и дети были одеты в костюмы Аполлона, Гелиоса, Гипериона [5 - В древнегреческой мифологии титан, сын Урана и Геи, супруг своей сестры Тейи, отец Гелиоса, Селены и Эос.], Хроноса[6 - В древнегреческой мифологии воплощение времени; согласно легенде, родил огонь, воздух и воду, а от этих стихий произошел ряд поколений богов.], Эос[7 - В древнегреческой мифологии богиня зари, дочь Гипериона и титаниды Тейи, сестра Гелиоса и Селены (по другим вариантам она была дочерью Гелиоса; матерью ее считалась иногда и Ночь).] или множества других божеств дневного света. Многие образы придумали сами праздновавшие. Люди встали на колени под гигантским подвесным шаром, который горел ослепляющим оранжевым светом, сложив руки в молитве и взывая к этому искусственному солнцу. На каждой витрине магазина, рыночном прилавке, киоске, офисном здании, башне, церкви и универмаге висел экран с часами, излучающий по случаю праздника дополнительный свет. Все часы показывали разное время. Между этими экранами сновали толпы народа; каждый проверял, а затем настраивал свои наручные или карманные часы, переходя с одной временной шкалы на другую, и смеялся, радуясь собственной удали.

Улицы были полны неонового света и гламура. По проспектам и бульварам гуляли горожане в ярких одеждах, считая секунды, как будто взвешивая принадлежащие им частицы золота. Каждое их движение сопровождало чудесное жужжание электрических устройств. Некоторые лампочки лопались от перегрузки, но их быстро заменяли прохожие или лампочные верхолазы. Таким образом, свет никогда не погаснет.

Найквист не принимал участия в этих ритуалах. Вместо этого он заперся в своем кабинете, ел, когда вспоминал, что нужно это сделать, и дремал на диване час-другой, когда уставал. У него не было иного графика. Время его наручных и настенных часов отличалось на многие часы и минуты, и он не понимал, какое из них было правильным, самым безопасным, самым лучшим. Он не мог вспомнить, сколько дней он провел здесь таким образом, и даже то, как они начинались и заканчивались. Задвинул штору, выпил кофе или виски, снова лег, зарылся головой под подушку, отодвинул штору, отвернулся лицом к стене. Он делал все, чтобы спрятаться от бесконечного тиканья часов. Но все это было бесполезно. Тело Найквиста обволокло пленкой липкого пота, ему было неудобно. Сквозь веки пульсировали вспышки желтого и оранжевого цветов. Он боялся начала хроностазиса. Если бы только он мог нормально выспаться! Почему он так страдал? Работа была сделана. Сбежавший подросток найден и доставлен домой. Вообще-то ему и самому следовало бы отправиться домой, в Ночной район, чтобы окунуться в темноту. Но одна мысль о поездке на поезде через сумерки вызывала тошноту. Внезапно мысли приняли другой ход, и он снова вспомнил дом в переулке Энджелкрофт. Он не мог избавиться от этих воспоминаний.

Сначала Найквиста доставили в полицию для предварительной дачи показаний, а затем через день или около того вызвали снова, чтобы получить ответы на очередной ряд вопросов. Он достаточно хорошо знал начальника подразделения, детектива-инспектора Гарднера, поскольку в ходе предыдущих расследований часто пересекался с полицией. Но он держал рот на замке и не говорил больше, чем следовало. И довольно скоро понял, что полицейские знали о том, что на самом деле произошло там, на краю сумерек, даже меньше, чем он сам.

– Так что же случилось, Найквист? И на этот раз ничего не скрывайте.

– Как я уже говорил, парень просил о помощи.

– Что именно он сказал?

– Он хотел, чтобы я держал Элеанор Бэйл подальше от него.

– Он так говорил?

– Что-то вроде того.

– А он сказал, почему он этого хотел?

– Это было опасно для нее. Вот то, что он сказал.

– Вы уверены в этом?

– Да. Насколько я понял. На линии были помехи.

– Правда?

– Вы видели, в каком состоянии его телефон. Это была пиратская работа.

– Конечно.

– Я слышал шумы.

– Шумы?

Помещение для допроса было небольшим. Стены воняли собравшимся за десятилетия потом. Найквист прищурился от света голой лампочки, висевшей под потолком.

– Ну, шумы на линии. Жуткие звуки. Какие-то вздохи, вой животных. Что-то вроде этого.

– Значит, вы отправились в тот дом в сумерках просто так?

– У меня было ощущение, что девушка может направиться туда, вы знаете, как это…

– Просветите меня.

– Я просто делал свою работу, надеясь вернуть ее домой.

– Конечно, Найквист, вы ведь один из славных парней. – Инспектор посмотрел в свои записи. – Скажите, как хорошо вы знаете Элеанор Бэйл?

– Я ее не знаю. Я искал ее, вот и все.

– Беглянку?

Он кивнул в ответ.

– Я выследил ее в квартале Выжиг, а затем потерял. И больше не видел, пока не нашел ее в доме на Энджелкрофт, когда она разговаривала с жертвой.

– О чем они говорили?

– Не знаю. Не уверен. Он пытался ей что-то объяснить, но я не думаю, что она верила его словам, чем бы они ни казались. А потом начало…

Гарднер ждал, постукивая ручкой по столу.

– Начало происходить нечто странное. Я не уверен, что именно случилось. Кажется, я потерял сознание.

– Бог мой, да вы просто воплощение помощи, Найквист.

В комнате вновь воцарилось молчание. Гарднер уставился на него. Найквист почувствовал, как перехватывает дыхание.

– Есть какая-либо информация о жертве? – спросил он.

– Его зовут Кинкейд. Это имя вам о чем-нибудь говорит?

– Нет.

– Совсем? Никаких соображений?

Найквист задумался.

– Нет. Никаких.

Он чувствовал себя уставшим. Время, проведенное в сумрачном доме, оказало негативное влияние на его здоровье. Он спросил:

– Что насчет отношений между умершим и девушкой?

Гарднер покачал головой.

– Никаких отношений не было. Так нам сказала Элеанор Бэйл.

Найквист заволновался: она сказала ему, что Кинкейд был ее настоящим отцом. Правда это или нет, он сохранит это признание в секрете. Пока.

– Она лишь сказала, что он был старым другом семьи. – Гарднер посерьезнел. – Итак, позвольте уточнить, вы не видели, как Элеанор Бэйл вонзила нож в этого Кинкейда?

– Конечно, нет. Не видел.

– Вы уверены?

– Ну…

– Вы ведь упали в обморок, верно? Как старушка в викторианском романе.

– Я закрыл глаза на одно только мгновение, вот и все.

– Печально.

Найквист почесал щеку.

– Она не делала этого, Гарднер.

– Нет?

– Она не такой человек.

– Что же, думаю, я согласен с вами. – Инспектор сделал каменное лицо. – На этом ноже полно отпечатков, в том числе и ваших.

Найквист нахмурился.

– Я забрал у нее нож.

– Значит, он был у нее в руке?

– Да, я думаю, она… она подняла его, после… после того как этот человек…

– Вы думаете, что это самоубийство, не так ли?

Найквист не знал, как лучше ответить. Все, что он мог вспомнить, – это пустая, черная дыра и несколько мгновений тьмы.

– Вы так думаете?

– Да, он убил себя.

Найквист не знал, солгал ли он или сказал правду. Оба варианта могли быть правильными.

Гарднер разочарованно покачал головой.

– Трогать нож было…

– Я знаю. Я не подумал.

– Найквист, это ведь правило номер один – не загрязнять место преступления.

Двое мужчин смотрели друг на друга, и ни один не желал уступить противнику.

Гарднер вздохнул и бросил на стол латунный ключ.

– Это вам о чем-нибудь говорит?

Похоже, это был ключ от гостиничного номера, с изображением пятиконечной звезды и номером 225 на брелке.

– Мы нашли его у тела Кинкейда.

Найквист сказал правду: он никогда его не видел.

– По поводу другого человека, которого вы будто бы видели… – сверился с записями инспектор. – Прежде чем войти в дом. Это была размытая фигура в сером?

– Я видел ее лишь мельком. Возможно, я ошибся. Она стояла возле дома, прямо в сумерках.

– Мужчина или женщина?

– Не знаю. Было…

– Было очень туманно. Конечно, я понял. – Гарднер грохнул по столу папкой. – О Господи, распятый на красно-золотом неоновом кресте, – жизнью его заклинаю вас дать мне один уверенный ответ.

– Я не думаю, что есть один…

– Что один?

– Один ответ. Время было очень запутано.

Гарднер задумался.

– Время… да. Конечно. Великое и непостижимое.

Найквисту ужасно захотелось пить. В горле пересохло. Воспоминание о той странной комнате вновь омрачило его разум. Должно быть, туман все еще был с ним. Все еще клубился внутри его черепа. Он должен был сосредоточиться.

– Что теперь будет с Элеанор Бэйл? – спросил он.

– Не волнуйтесь. У нас все под контролем.

– В самом деле?

Найквист начал понимать, к чему приведет этот допрос: по сути, Гарднер хотел убедиться, что с Элеанор Бэйл сняты все подозрения. Полиция находилась под давлением, и было вполне понятно, откуда оно исходит.

Инспектор сложил свои заметки по делу.

– Я думаю, это безопасный звонок, – сказал он. – Этот Кинкейд – бродяга, асоциальная личность. Он заканчивает жизнь на границе Сумрачного района. Ему стало очень тяжело, и он свел счеты с жизнью. И…

– Вот и все. Дело закрыто.

– Что я могу сказать, такое уж это место, верно?

Найквист закрыл глаза. В его голове крутилась всего одна мысль, он едва мог на ней сосредоточиться. Но она назойливо преследовала его. Он должен был от нее избавиться.

– Гарднер?

– В чем дело?

Он попытался говорить как можно более четко.

– То, что случилось в комнате со мной, с девушкой, с ножом, с мужчиной на кровати. Его убили незаметно. Невидимка…

– Довольно. Не будем углубляться.

– Это был Ртуть.

Гарднер откинулся на спинку стула. Прошла минута. Казалось, что в комнату вошел третий человек – призрак.

– Послушайте, это не…

– Ртуть. Еще одна жертва! Что еще это может быть? Скажите мне.

– Иисус, Аполлон и все святые дневного света!

– Все произошло так, как в рассказах свидетелей в газетах и по радио. Невидимый убийца…

– Это чушь, и вы это знаете.

– Временное затмение, чувство, когда ничего не понимаешь и не видишь, путаница… – Найквист почувствовал, что теряет контроль над собой, но уже не мог остановиться. – Это то же самое, черт возьми!

Гарднер тоже повысил голос:

– Ртути не существует.

– Полицейские, что с вами, черт возьми? Вы боитесь? Боитесь того, что люди будут паниковать? – Найквист наклонился вперед. – Ну что ж, они уже паникуют.

На мгновение ему показалось, что Гарднер взорвется от ярости. Но вместо этого он с большим трудом взял себя в руки.

– Я не хочу, чтобы вы говорили еще кому-нибудь о своих соображениях, вы меня поняли?

Найквист кивнул.

– Конечно. Я понял.

– Кинкейд заколол себя. Точка. – Гарднер пожал плечами. – Сумерки сводят людей с ума. Там собираются все безумцы. Полагаю, вы знаете об этом. Ваш старый отец, и все такое.

Инспектор вперил в него тяжелый взгляд.

Найквист хотел ответить четко и лаконично. Его отец никогда не был таким, он не был сумасшедшим. Его отец был ученым, исследователем…

Но произнес совсем другое:

– Во всяком случае, семья девушки будет счастлива.

– А теперь…

– Все нормально, Гарднер. У каждого из нас своя работа.

Инспектор бесстрастно посмотрел на него. Найквист почувствовал, что наступил на больную мозоль: у Патрика Бэйла было достаточно власти, чтобы оказывать влияние на полицию и суды. Дело будет завершено с максимальной быстротой, и информация почти не просочится в прессу.

Гарднер наконец улыбнулся.

– Занимайтесь неверными мужьями или женами, Найквист. Это дело закрыто.

– Хорошо, так и поступлю.

– Не наживайте себе врагов.

Закончив все формальности, полицейские отпустили его. Найквист направился прямиком в свой кабинет, запер дверь, открыл виски. Время от времени он посылал за едой и выпивкой, а также за новым выпуском «Сигнального огня». Статья на третьей странице начиналась со слов: «Еще одна жертва в Сумрачном районе». Как и ожидалось, в ней не было никакого упоминания о присутствии там Элеанор Бэйл или самого Найквиста. И никто не предполагал, что это было еще одно нападение Ртути. Все просто: самоубийства случаются ежедневно, но когда это происходит в сумерках или около них, всем наплевать, особенно полиции. Если вы живете близко к сумеркам, значит хотите умереть. Дело закрыто. Но Найквист собрал из новостей все, что смог. Покойного звали Доминик Кинкейд. Без постоянного места жительства, место работы неизвестно, никаких близких родственников, которые могли бы потребовать тело для захоронения. Ничего. Репортер, из-за отсутствия лучшей или более правдивой истории, описал жертву самоубийства как типичный пример человека, маниакально стремившегося к границе Сумрачного района, и нарисовал причудливую картину того, как он дикими глазами смотрел в туман, словно жаждая видений. В статье говорилось о том, что в наше время возникает все больше и больше сект, где странные желания воплотились в коллективное присутствие. Они были известны под названием Тенебре – термин, означающий религиозную службу или урок-из-теней.

Найквист знал наверняка лишь одно: в той комнате случилось что-то странное и непостижимое. Как нож оказался в руках Элеанор Бэйл? Что на самом деле произошло за эти несколько секунд затмения? И он снова и снова вспоминал слова Элеанор Бэйл, которые она произнесла над телом Кинкейда: «Это моя вина, во всем виновата я». Что она имела в виду? Он не мог сказать.

Достаточно быстро Найквист перешел к статье на седьмой странице, в которой рассказывалось о женщине среднего возраста, найденной мертвой в ее собственной ванной. Запястья были разрезаны, биологические часы полностью разрушены. Психиатр заявил, что бедная женщина жила по шестидесяти четырем разным графикам. Были изложены предупреждения, задавались вопросы высшему руководству. Цитировали сэра Патрика Бэйла и его обычные

банальности: «Мы делаем все возможное, чтобы помочь менее удачливым. Но на самом деле вы всегда должны помнить: то, что делает наш город таким прекрасным и настолько преуспевающим, – это свобода времени».

Найквист внимательно посмотрел на фотографию Элеанор. Несколько дней назад в офис пришел чек от Патрика Бэйла. Найквист не мог понять, за что ему платят, но деньги были нужны. И девушка находилась в безопасности.

Он продолжал убеждать себя выбросить из головы это дело, отпустить его. Но не мог.

Достав из ящика стола фотографию Доминика Кинкейда, он положил ее рядом со снимком Элеанор. Была ли между ними связь, семейные отношения? Может быть. Сходство в том, что в глазах и вокруг них отчетливо была видна темнота. Даже печаль.

Отец и дочь?

Однако она не сказала об этом полиции.

Возможно, семейные тайны. Семья Бэйлов не намерена изменять своему имиджу.

Найквист попытался заснуть сидя в кресле. Он положил на лицо лоскут ткани, придерживая его рукой. В конце концов, ему удалось создать немного темноты. И он снова оказался в ловушке в комнате на краю сумерек и на сей раз сам вонзил лезвие прямо в шею Кинкейда. На руку брызнула кровь.

Он проснулся дрожа. Прошло совсем немного времени. Несколько минут. Глаза болели и едва открылись. Найквист встал и принялся шагать по комнате, из конца в конец. Ему нужно было побриться и принять душ. Ему требуется отпуск. А больше всего ему нужно было выбраться отсюда, из этого пространства. Казалось, что в него вселилась его собственная тень. Найквист выключил настольную лампу и снова включил ее. Включил, выключил, включил, выключил. Он жил по графику своего безумного творения, от момента к моменту, биологические часы были расшатаны до невозможности. Это была болезнь. Он чувствовал: силы на исходе. Время вокруг него дробилось. Он мог пополнить статистику в газете.

«Тело мертвого частного детектива нашли в пустом офисе».

Возможно, его бывшая жена все это время была права: все больше и больше его жизнь походила на приключения персонажа из дешевого криминального чтива. Возможно, его ждал жуткий конец – сумасшедший сыщик в больничной палате, заполненной хронологически ненормальными.

Часы на стене показывали без шести минут одиннадцать. А на наручных часах было семнадцать или двадцать минут второго. Стрелки мелькали, циферблат был нечетким, задымленным, туманным. Сумерки нарушили механизм: он все еще не мог увидеть точное время. Найквист покачал головой. В голове проносились образы. Быстро вращающиеся часы, на которых невозможно увидеть время, громко тикают. Часы с кукушкой бьют один, два, три раза. Четыре раза, пять. И вдруг он снова оказался там, внутри дома, увидел сгустки тумана, человека на кровати, девушку, себя самого. Время упущено. Элеанор кричала. Он не мог разобрать ни слова. Блеснул нож. Но в чьей руке была его рукоятка? Он не был уверен – Кинкейда или Элеанор? Или его собственной. Воспоминание накрыло туманом.

В голове мелькнуло ужасное понимание: Элеанор Бэйл все еще была в опасности.

«Элеанор, дитя мое. Ты должна покинуть город. Они ищут тебя!»

Последние слова Кинкейда, сказанные девушке, его дочери, если это правда. Он пытался ее защитить, предупредить, заставить ее убежать. Опасность все еще существовала. Но кто ее искал? Они хотели причинить ей вред? В словах мужчины читалось именно это.

Найквист посмотрел на пишущую машинку, в которую все еще был вставлен лист бумаги со словами:

ДЕЛО ЭЛЕАНОР БЭЙЛ

Под ними ничего не было.

В порыве ярости он начал стучать по клавишам, щелкавшим словно кости по металлу:

Что, черт возьми, случилось в той комнате?

Это все. Больше ничего не известно. Он потянулся за телефоном и позвонил в центр «Ариадна». Женщина приветствовала его радостным сообщением. Он перебил ее на полуслове:

– Мне нужно поговорить с Патриком Бэйлом.

– Боюсь, это невозможно.

– Выслушайте меня, пожалуйста. Это важно. Мне нужно связаться с его дочерью. Это срочно. – Второпях Найквист проглатывал слова. – Вы не могли бы дать мне их домашний номер?

– Политика компании предписывает…

– Пожалуйста, послушайте…

В трубке запищали гудки.

Найквист посмотрел на настенные часы, затем на наручные. Тик-так, тик-так, тик-так, тик-так. Где-то между двумя разными временами он был пойман в ловушку.

Чувствуя себя запертой в клетке собакой, он подошел к окну и отодвинул штору. В комнату ворвались свет и тепло, на миг ослепив его. Перед глазами мелькали электрические искры, и он не мог понять, исходят ли они от ламп, прижатых к стеклу, или изнутри его черепа. Лицо вспотело, спутанные волосы упали на лоб. Где-то в затылке он ощущал шипящий шум. Это было слишком. Слишком много света, слишком много тепла, слишком много цветов. Слишком много проклятых фрагментов времени вокруг него. Его чувства слились воедино, и прижавшись руками к горячему стеклу, он держал там ладони и судорожно вытянутые пальцы до тех пор, пока мог, забывшись, пока боль и тепло не стали слишком сильными, и он с ужасом вернулся в жизнь.

Ему нужно было бежать.

Лестница в небо

Выйдя из своего офиса, Найквист повернулся к лестнице, ведущей наверх. Он всего несколько раз заходил на верхние этажи. Некоторое время назад там работала женщина, Дженис, и между ними было что-то вроде отношений. Подходя к лестнице, он вспоминал те приятные моменты. Возможно, ему следовало сделать какой-то решительный шаг, но Дженис переехала на новое место работы в другую часть города, и, как однажды сказал один мудрец, много лампочек перегорело с тех пор.

Найквист начал подниматься. Он должен был подняться выше ламп, если сможет. Ему нужно было выяснить, где заканчиваются лампы и начинается нормальное небо. Возможно ли это вообще? Он не знал, но ощущал внутри необходимость вырваться, освободиться. Оказавшись на лестничной площадке, он обогнул полукруг и поднялся вверх, на следующий этаж. Он уже однажды был здесь, но только один раз, когда его чек отправили не в тот офис. Он не помнил, в какой именно и когда это произошло. Это не имело значения. Взойдя на площадку, Найквист повернул на очередной лестничный пролет. Теперь он вступал на неизвестную территорию. Сколько этажей было в здании? Он не знал. Сколько из них было занято? Неизвестно. Чем выше вы поднимаетесь, тем меньше людей увидите – таково было правило. Найквист продолжил свой путь и на следующей площадке увидел коридор. Подойдя к ближайшей открытой двери, он заглянул внутрь. Помещение было вдвое больше его каморки, как будто здесь снесли стену и объединили два офиса. Работники смотрели на него подозрительно, как на злоумышленника. Женщина спросила, что он ищет. Он не ответил.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Устройство, предназначенное для отражения луча света в сторону источника с минимальным рассеиванием.

2

Хроностазис – ощущение застывшего времени. Это случается, когда ваш мозг сталкивается с принципиально новым явлением или задачей и на секунду как бы «столбенеет».

3

Древнеиндийский эпос на санскрите, автором которого в традиции индуизма принято считать легендарного мудреца Вальмики, имя которого упоминается еще в ведийской литературе как одного из учителей Тайттирии-Пратишакхьи. Является одним из важнейших священных текстов индуизма канона смрити.

4

В сумерках (фр.)

5

В древнегреческой мифологии титан, сын Урана и Геи, супруг своей сестры Тейи, отец Гелиоса, Селены и Эос.

6

В древнегреческой мифологии воплощение времени; согласно легенде, родил огонь, воздух и воду, а от этих стихий произошел ряд поколений богов.

7

В древнегреческой мифологии богиня зари, дочь Гипериона и титаниды Тейи, сестра Гелиоса и Селены (по другим вариантам она была дочерью Гелиоса; матерью ее считалась иногда и Ночь).

Купить: https://tellnovel.com/nun_dzheff/chelovek-teney

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити